

3281
25.5

Кочубинский

**ОЧЕРК ИСТОРИИ
МАЛОРУССКАГО НАРЕЧИЯ**

РЕЦЕНЗІЯ НА КНИГУ
Г. ЖИТЕЦКАГО
ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ
МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

А. КОЧУБИНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1892.

8.К.

834.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Г. ЖИТЕЦКАГО: «ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ МАЛУРУССКАГО НАРѢЧІЯ».

**Замѣтки о малорусскомъ нарѣчїи въ памятникахъ нашей
литературной старины.**

А. Кочубинскаго.

Новый филологическій трудъ г. Житецкаго, уже раньше удостоеннаго вниманія Академіи за свой обстоятельный опытъ по аналитическому изученію южной особи русскаго языка, посвященъ интересамъ той же области, но болѣе частнаго характера—изслѣдованію нетронутаго и поучительнаго вопроса, опредѣленію *матеріальнаго* состава литературнаго языка южнорусскихъ писателей XVII вѣка, особенно его второй половины, насколько этотъ составъ подъ перомъ ихъ не выходилъ изъ унаслѣдованныхъ отъ *вѣковой старины* литературныхъ условій—церковнославянскаго языка и русскаго, родной рѣчи, насколько не вступалъ въ чуждую лингвистическую среду.

Обыкновенно говорятъ: «это—*польско-русскій* языкъ». Но этимъ мало сказано.

Эпоха государственной реформы великаго Царя, успѣшно проводившаго свои преобразованія главнымъ образомъ благодаря литературнымъ силамъ Юга, въ сильнѣйшей степени содѣйствовала тому, что русскій литературный языкъ XVII вѣка, какъ онъ выработался въ кїевскомъ культурномъ центрѣ, сталъ обще-

распространеннымъ; она подняла его и сдѣлала орудіемъ общерусскихъ интересовъ. И въ людяхъ, и въ языкѣ Юга Петръ Великій нашелъ уже готовое орудіе для новыхъ культурныхъ задачъ Московскаго Государства. Мало-по-малу Югъ завоевалъ Сѣверъ, сталъ литературнымъ пѣстуномъ его. Въ письмахъ самого Петра можно встрѣтить малорусизмы. «Съ приобрѣтеніемъ Кіева, справедливо замѣтилъ еще Венелинъ, Россія завоевала не богатый арсеналь, не непреодолимую крѣпость; нѣтъ, она сдѣлала болѣе, она приобрѣла *Могило-Заборовскую Академію*. Я означаю это курсивомъ потому, что эти три слова составляютъ въ Русской Исторіи весьма великую главу»¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же своихъ наблюденій Венелинъ прибавляетъ: «есть еще и теперь духовныя лица, которыя помнятъ, какъ ихъ въ дѣтствѣ школили малороссіяны *за дурное правописаніе*».

Но литература второй половины XVIII вѣка, особенно первая четверть послѣдующаго, сбросила съ себя традиціонныя приемы и открыла къ себѣ на-стежъ двери специальному этнографическому элементу. Какъ нельзя болѣе этому отрицательному отношенію къ недавнему преданію послужила неуклюжая поэтическая дѣятельность Тредьяковскаго и его сателитовъ: она обезславила преданіе. Тщетны были усилія Шишкова остановить теченіе по новому руслу литературной жизни отчаяннымъ отстаиваньемъ славинизма, теченіе, которое совпадало съ общимъ повсюду проявленіемъ первыхъ требованій націонализма: Карамзинъ, нашъ Караджичъ, побѣдилъ.

Разнесенное на Сѣверѣ литературное преданіе Юга продолжало жить внѣ Россіи, среди православныхъ Сербовъ Австро-Венгріи и юнаго княжества, пока не явился у нихъ свой Карамзинъ, Вукъ Караджичъ, сметшій и тамъ старину, но уже совсѣмъ

¹⁾ Изъ неоконченнаго, оставшагося въ рукописи, труда Венелина: «Объ украинскомъ правописаніи». Румянцовскій Музей, Рукописи, № 1021. Пользуемся первымъ случаемъ и напередъ приносимъ теплую благодарность нынѣшнему хранителю рукописей знаменитаго Собранія, г. Лебедеву, за его радушіе, во время нашихъ занятій въ Музеѣ, въ январѣ наст. года.

радикально, безъ жалости и пощады. У насъ филетнической радикализмъ не прошелъ такъ далеко, какъ у Сербовъ.

Этому помѣшали и общія условія жизни, условія старой государственной жизни, а не угнетеннаго, разъединеннаго, небольшого племени, и регулятивъ церкви, школы въ направленіи консервативномъ. Даже въ той сферѣ, откуда и черпалась новая этническая струя въ литературный языкъ, было особенно живуче славянское преданіе: извѣстно, какъ старовѣры чтутъ славянской языкъ, любя облекать въ его ветхую ризу свои всяческія писанія. За призракомъ Караджича мы не погнались. Въ результатѣ, какъ извѣстно, было то, что простонародный языкъ Сѣвера не сталъ языкомъ государственнымъ, языкомъ науки и литературы русской; старый языкъ стилиста Ломоносова, а онъ такъ дорожилъ преданіемъ Юга,—не выродился въ литературную рѣчь съ специальнымъ колоритомъ, какъ это именно случилось у Сербовъ, объявившихъ по всей линіи вражду литературному преданію, развившихъ аналитичность своей книжной рѣчи до послѣднихъ предписаній вульгаризма.

Въ самомъ дѣлѣ, нашъ литературный языкъ и стилемъ своимъ, формами, и самыми механическими приѣмами правописанія, и сегодня въ не немногихъ пунктахъ живо связанъ съ преданіемъ старины—съ грамматикой великаго нашего филолога начала XVII вѣка, Мелетія Смотрицкаго, и съ примѣненіями ея стилистическихъ требованій на практикѣ, въ литературныхъ произведеніяхъ Юга XVII столѣтія.

Такъ, на литературномъ канонѣ законодателя Мелетія зиждется образованіе и синтаксисъ нашего причастія. На его ученіи основано наше правописаніе и самая морфологія прилагательнаго имени, мѣстоименія (*-аго, ея*). Наши многіе ореографическіе приѣмы: удвоенное *н*, употребленіе *і*, особенно же помѣщеніе *ь*—все это единитъ насъ съ XVII вѣкомъ, съ первою попыткою стилистизаціи нашего литературнаго языка, во всемъ этомъ продолжаетъ жить среди насъ Мелетій. Какъ часто на *ь* воздвигались гоненія; но мы всегда повторяемъ Мелетія: «блюсти подо-

баеть» — не писать *е* вм. *ъ* и наоборотъ, *и* вм. *ъ* и наоборотъ. Да, намъ не должно забывать, что это *ъ* всегда бывало плотиною противъ порывистыхъ попытокъ овладѣть литературнымъ тереномъ со стороны элементовъ центробѣжныхъ, что это *ъ* блюло въ нашемъ литературномъ языкѣ единство. Безъ Мелетія и его строгаго канона для помѣщенія *ъ*, нашъ литературный языкъ давно бы разбился по приходу Сѣвера и Юга. Караджичъ ввелъ въ письменный обиходъ латинскую йоту; но только славянской историкъ далекаго будущаго, вскрывши истину, дастъ надлежащую цѣну этому невинному эксперименту, измѣрить его мѣрою испытаній народа, ибо нельзя служить Господу и мамонѣ.

Вотъ почему русскій литературный языкъ, съ его условными формами и правилами, такъ безстрастенъ, такъ свободенъ отъ бьющей въ глаза филетнической окраски, такъ объединителенъ и величественъ: за нимъ лежитъ рядъ вѣковъ, въ немъ почіють работы поколѣній и поколѣній. Онъ — достойный сосудъ и достойное орудіе историческаго народа. Въ его характерѣ живетъ денационализированный націонализмъ: въ его правописаніи яркая картина его судьбы, его эмбриона и его формации, какъ въ правописаніи каждаго историческаго народа. Пѣстуномъ же этихъ судьбъ былъ геній Юга.

Думаемъ, что не ошибаемся въ убѣжденіи, что изученіе литературнаго языка южныхъ писателей XVII столѣтія, этого историческаго моста, переброшеннаго отъ насъ къ болѣе ранней, еще нестилизованной старинѣ — предметъ, полный интереса, и что каждый тщательный опытъ въ этомъ направленіи, приготовляющій матеріалы для исторіи литературнаго языка, заслуживаетъ признанія и ободренія. «Представляя, говоритъ авторъ, опытъ научнаго анализа книжной малорусской рѣчи (,) въ цѣломъ ея составѣ, а не въ отдѣльныхъ произведеніяхъ..., мы имѣемъ въ виду не столько грамматику..., сколько ея стилистическія особенности» (54—55).

Эта интересная, какъ старались мы указать выше, задача представляетъ совсѣмъ забытое поле.

Вспомнимъ, что культурная исторія эпохи только что начата разработкой, напр., въ трудахъ проф. Голубова. Литературные очерки проф. Сумцова не уничтожили настоящей потребности въ новой обработкѣ тѣхъ же вопросовъ, уже потому, что необходимо предварительное глубокое изученіе внутренней исторіи Польши XVI—XVII вѣка, для чего лишь собираются матеріалы, напр. въ хранилищахъ Ватикана. Этою малою обработанностью неполитической исторіи того времени мы объясняемъ, почему и авторъ «Очерка» могъ создать оригинальное освѣщеніе литературному теченію эпохи, въ общемъ введеніи создать «думу», но съ историческою дѣйствительностью мало общаго имѣющую. Для писателей XVII вѣка онъ создаетъ роль сознательныхъ инициаторовъ введенія народной рѣчи въ книгу, новаторовъ-виновниковъ «литературной исторіи малорусскаго нарѣчія» (ср. стр. 145), умаляя тѣмъ ихъ историческое значеніе, такъ какъ они только вели старое наслѣдіе впередъ, чтобы приобрѣсти новый «талантъ». Вскользь указываемъ на эту неправильную ноту, чтобы ярче засвидѣтельствовать, какое широкое поле историческихъ вопросовъ лежитъ впереди.

Въ порядкѣ вещей, если тѣмъ меньшее вниманіе могли привлечь къ себѣ стилистическіе интересы кроваваго XVII вѣка, невольно отмѣчаемые монотонностію.

Г. Житецкій, избравъ скучную тему, умѣетъ оживить интересъ своего стилистическаго анализа постоянными вылазками изъ XVII столѣтія внизъ и вверхъ—въ исторію и этнографію. Центръ тяжести—литературный языкъ XVII столѣтія; но авторъ пользуется срединной позиціей, чтобы то опускаться въ глубь исторіи южнорусскаго языка и слѣдить за моментами формации этой лингвистической особи, то подыматься въ область живыхъ говоровъ и чрезъ очную ставку съ данными старины дать отдѣльнымъ явленіямъ ихъ историческое обоснованіе.

Вотъ почему книга г. Житецкаго предлагаетъ не однообразный и сухой стилистическій обзоръ слоевъ въ литературномъ языкѣ Юга XVII вѣка, а живую анатомію его матеріальнаго

состава, разчлененіе его въ три органическіе ингредіента: 1) элементы общіе съ церковно-славянскимъ языкомъ, 2) элементы общерусскіе и 3) элементы частичные, обуславливающіе самое право южнорусской рѣчи на значеніе крупной особи въ русской семьѣ. Тщательно произведенная эта операція, рукою свѣдущую и привычную, составляетъ прямое пополненіе къ первому труду автора по статикѣ малорусскаго нарѣчія, что и неоднократно является авторомъ, наприимѣръ, въ отреченіяхъ отъ своихъ прежнихъ увлеченій, дѣлаемыхъ, къ сожалѣнію, не безъ лишняго авторскаго эмфаза.

Такимъ образомъ, въ общемъ новый трудъ г. Житецкаго, выполнѣ отвѣчая интересамъ исторіи нашего литературнаго языка, анализомъ состоянія послѣдняго въ переходную эпоху XVII вѣка приготавливая матеріалъ для этой исторіи, производитъ впечатлѣніе благоприятное.

Но есть точки у автора, съ которыми мы лично согласиться не могли бы никогда. Вскользь мы намекнули объ этомъ только что выше. Наше несогласіе касается, какъ *credo* автора—гдѣ начинается «литературная исторія малорусскаго нарѣчія», такъ и отдѣльныхъ пунктовъ лингвистическаго характера. Не отдѣльно, а тутъ же при случаѣ мы коснемся и попадающихся время отъ времени обмолвокъ, неточностей, какъ бы готовыхъ сказать о нѣкоторой спѣшности или разсѣянности вообще внимательнаго къ своему предмету автора, кое-гдѣ методологическихъ недочетовъ, проскользнувшихъ неотмѣченными.

2.

Съ какого времени пошло литературное употребленіе южнорусской рѣчи, съ какого времени потому идетъ исторія ея?

«Безсознательно», но не «случайно», а *необходимо*, какъ все, что въ природѣ спокойно и органически развивается, и южнорусская рѣчь стала заявлять о себѣ, проявлять себя уже съ первыхъ литературныхъ памятниковъ Юга. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ письменнаго дѣла она чувствуется сильнѣе и сильнѣе,

выходить и за предѣлы своей территоріи (въ Молдавіи), пока не выливается въ пестрый, но всетаки болѣе или менѣе опредѣлительный, комплекс звуковыхъ, морфологическихъ и лексическихъ особенностей — въ печатанныхъ и рукописныхъ произведеніяхъ конца XVI и начала XVII вѣка.

Это прогрессивное проявленіе въ книгѣ мѣстной этнической струи Юга не было дѣломъ сознательнаго уговора на сторонѣ. Здѣсь не было какого-либо личнаго почина, не было какихъ-либо реформаторовъ соціально-политическихъ условій жизни: тутъ работала вѣка сама жизнь. Христіанская культура, явившаяся къ предкамъ нашимъ на территоріи Днѣстра—Днѣпра въ благотно-прогрессивной формѣ національной церкви, съ народнымъ языкомъ въ ней, положила начало. Формація славянской церкви въ исторіи Европы IX—X вѣковъ имѣетъ то же значеніе, что, шесть-семь столѣтій спустя, проповѣдь нѣмецкаго протестантизма: она вызывала къ жизни національную стихію, вводила языкъ простаго человѣка въ книгу. Такъ старѣйшими памятниками чешскаго языка будутъ извѣстные церковно-славянскіе тексты; тѣ же тексты — древнѣйшіе свидѣтели и южнорусской рѣчи.

Но иная картина, если народъ попадалъ въ культурныя условія, которыя только отрицательно дѣйствовали на проявленіе національной стихіи.

Вотъ Литва, съ своимъ «благороднѣйшимъ» племенемъ. Она была *misera contribuens plebs* латинской церкви, пока не явилась среди нея проповѣдь Лютера. Начинаемъ съ Литвы и потому, что ея лютеранизаціей открываетъ свою книгу г. Житецкій. Правда, проповѣдь была своекорыстная, въ интересѣ алчныхъ феодаловъ; но она въ силу необходимости, чтобы достигнуть цѣли, должна была обратиться къ народному языку. Является Лютеръ, являются первыя литовскія произведенія и, конечно, не для того, чтобы оставаться въ неизвѣстности и ждать чрезъ три столѣтія любителя-филолога къ себѣ въ гости, но чтобы глубже проповѣдь расходилась въ забытый народъ. И «*librogum inopia*»,

и «*misera illius gentis conditio*» поражали первыхъ дѣятелей лютеранизма въ Литвѣ. Да, наконецъ, безъ церковной пѣсни, безъ всякихъ «*giesmes duchaupas*», не возможна была самая служба, почему сейчасъ же надо было переводить стихами и «*Christus Jordanop ateiha*» и другія продукціи лиры Лютера. Если еще въ 60—70-ые годы IX столѣтія литература Европы была обогащена художественнымъ славянскимъ переводомъ Священнаго Писанія, то литовскій собратъ его явился только теперь, послѣ семи вѣковъ, но съ тою особенностію, что онъ такъ и остался въ рукописи, въ безвѣстности, не вызвалъ литературнаго восхода¹⁾.

Вполнѣ понятно, что «литературная исторія» литовскаго языка можетъ быть ведена только съ 1547 года, со времени появленія «*Catechismus prasty szadei*», т. е. Катехизиса въ рѣчи простаго человѣка, какъ она и ведется г. Беценбергеромъ, въ его «*Beiträge zur Geschichte der Litauischen Sprache*²⁾».

Чтò было на Литвѣ, то повторялось, и одновременно, всюду, куда шло съ своею воинствующею проповѣдью лютеранство. Такъ Сербы Лужицкіе ведутъ «литературную исторію» своего языка съ новозавѣтнаго перевода Якубицы, Хорутане съ тюбингенскихъ изданій Унгнада. Наоборотъ, Чехи не знаютъ этой литературной эры: ибо уже раньше Лютера прошли вѣка ихъ литературной исторіи.

¹⁾ Si ederetur, magnum fructum sit allatura» надѣялись друзья переводчика «*Wissas Schwentas Raschtas*», Бреткена; но надежда не исполнилась. На перепись, какъ въ старину, мастеровъ уже не было, особенно осьми большихъ фоліантовъ, а на печать нужны были большія средства. Не объясняется ли подобною же трудностію списыванія и то обстоятельство въ исторіи славянской письменности, что полный славянскій текстъ Библии сохранился только отъ конца XV столѣтія, и то обязанный особеннымъ условіямъ, тогда какъ кодексомъ съ новозавѣтнымъ текстомъ отъ XI столѣтія можно насчитать съ десятокъ? Послѣ появленія Библии «исполнь» редакціи св. Мееодія списывались отдѣльныя лишь, нужныя части, а за перепись новыхъ экземпляровъ не принимались. Извѣстны дефекты Геннадіева труда.

²⁾ Göttingen, 1877. Отсюда взяты и процитованныя мѣста изъ Бреткена, р. XIX, XX и о Бреткенѣ, р. X.

Такимъ образомъ, протестантство открыло путь въ міръ языкамъ малыхъ, забытыхъ народцевъ, когда посредствомъ книги заботилось о своемъ утвержденіи.

Но—кто же серьезно поставитъ въ параллель съ указанными литературными плодами пропаганды протестантства, преслѣдовавшей строго опредѣленныя, конфессіональныя цѣли, одинокое появленіе какого-нибудь Пересопницкаго малорусскаго евангелія (точнѣе «перелицованнаго» на малорусское нарѣчіе, ибо переводомъ назвать нельзя), какой-нибудь Псалтыри, такъ и пролежавшихъ въ безвѣстности вѣка, чтобы отъ ихъ времени (Пересопницкое евангеліе второй половины XVI стол.) вести литературную исторію малорусскаго нарѣчія? Литературные факты одного и другаго порядка несоизмѣрины. Малорусскія переложенія, какъ лишнія, ненужныя, прошли незамѣченными у современниковъ, ибо жизнь ихъ не требовала. Наконецъ, въ нихъ не было никакой *новизны*, ни въ смыслѣ содержанія входящей въ оборотъ жизни новой идеи—ни въ смыслѣ формы, языка. Вѣка уже мѣстная русская рѣчь Юга давала знать о себѣ, вѣка прошли съ тѣхъ поръ, когда она стала прокладывать для себя выходъ въ книгу, въ литературный оборотъ, а къ «эрѣ» Пересопницкаго евангелія успѣла объединиться съ своимъ руководителемъ, языкомъ Церкви, въ письменный, болѣе или менѣе опредѣленнаго характера, языкъ, и сдѣлаться органомъ умственныхъ интересовъ культурныхъ слоевъ южнорусской земли. Литературное употребленіе малорусскаго нарѣчія формировалось постепенно, само собою, отъ внутренняго импульса, и никакой XVII-й вѣкъ не создавалъ «книжной малорусской рѣчи» (стр. 55) и даже съ ускореннымъ темпомъ (стр. 3): ибо она была уже до.

Переходимъ къ фактической, лингвистической сторонѣ вопроса.

Вотъ днѣпровскій Изборникъ 1076 года. Остановимся на фразеологической сторонѣ, предложимъ выборъ словъ — формъ, причемъ пользуемся своими вымѣтками, сдѣланными десять лѣтъ назадъ.

оузда коневн правитель ксть 3.
 грѣха бѣжи яко ратьника 18.
 триже норовы... мързѣть 168.
 соромаживоу быти 203.
 законъ хоронити 205.
 сыноу мой любвы 223.
 тоуже пороха нападъшж 81.
 по истверезенни стенаник и каизнь бывають 150.
 чюже сѣма половела горчѣк 152.
 прахоу и попелу 180.
 верема мокь легко 190..
 не оукорихъ никогоже ни вередихъ 217.
 посрамить тѣ борошнѣмъ 300.
 да огорожаютъ ю 489.

При оборотѣ сыноу кто не вспомнитъ восклицанія Тараса Бульбы! *Порохъ* въ смыслѣ пыли, *борошно*¹⁾ въ значеніи муки, *тверезый* изъ *трезвый*, *попелъ*, *полова*, *беремя*, все это говорящіе малоруссизмы. При формѣ *беремя* болѣе употребительно производное *оберемокъ* связка, пукъ; но въ малорусскомъ литературномъ памятникѣ начала XIV вѣка, Пандектахъ Антіоха (о немъ сейчасъ ниже), читаемъ: *въземъ върѣмъ дровъ* 253 б. Что здѣсь надо читать какъ *е*, *ѣ* какъ *е*, ясно изъ правописанія того же слова на слѣдующей страницѣ: *верема во истѣзакъ* 254 б. Мы иногда подсмѣиваемся надъ стилемъ русскаго литературнаго языка въ Галиціи, надъ формами словъ въ немъ *хоронити*, *нагорода*, *огорода*, *норовъ*, *вередити*, и забываемъ, что за ними право давности и право этнической законности. Иное дѣло исторіей выработанный обычай нашего литературнаго языка.

Если же принять во вниманіе относительную давность извѣстности письма на Югѣ, такъ какъ новгородскую школу, докумен-

¹⁾ Въ языкѣ Сѣвера это слово изрѣдка въ книжной церковной формѣ — *брашно*, и, какъ чужое, съ значеніемъ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, пищи, кушанья.

туемую цѣлыми кодексами попа Упыря (1047) и дьякона Григорія (1055), должно разсматривать, какъ раннюю филию Кіева, слѣдовательно, и задерживающую силу давно образовавшейся школьной традиціи, практику успѣвшихъ установиться стилистическихъ приѣмовъ, при всегда чувствовавшейся близости языка Церкви и народнаго: то мы можемъ удивляться нѣкоторой свѣжести этнографическаго элемента въ Изборникѣ 1076 года, дающаго чужому изложенію колоритъ мѣстный.

Не менѣе ученой традиціи должно было тормозить выходъ народной стихіи въ книгу духовное званіе литератора: но и онъ съ своею стилистическою обязанностью справиться не могъ. Лучшій примѣръ — Несторъ, въ его біографіи преп. Θεодосія¹⁾.

У Нестора замѣтна борьба съ родною стихіей; онъ тѣснитъ ее, настраиваетъ себя на важный церковно-славянскій стиль, старательно подлаживается подъ него, — но тѣмъ не менѣе, борьба не въ моготу, стиль не выдерживается, и то тамъ, то здѣсь проскользаетъ изъ-подъ пера свое, родное. Особенно упорно защищаетъ свои права полногласіе. Вотъ срачица 58, но черезъ строку, не далѣе, сорочницу; нѣкогда зълодѣи 3 б, но на слѣдующей страницѣ золодѣи врагъ.

Въ обильномъ употребленіи ꙗ Несторъ какъ бы полагалъ нѣкій признакъ старины, лучшаго тона, и онъ пишетъ невозможно, уснащаетъ еромъ слова, гдѣ знакъ этотъ мѣста имѣть не могъ, но тѣмъ самымъ выдаетъ себя, какъ русскаго, указываетъ. какъ русскій писатель понималъ школьный знакъ ѣ: мѣстъ то 6 а. оучникомъ совершакмъмъ 12 б. шко рѣкъхъ 15 а. и др.

Мы видѣли, чужое срачица не вышибло роднаго рефлекса изъ языка Нестора; другія же слова спокойно вошли въ изложеніе, нося на себѣ довольно яркій колоритъ Юга:

свита 9 б. 176. 18 а.

жито 10 а.

праздѣнникъ великъ днь 20 а.

¹⁾ Въ «Чтеніяхъ» Моск. Общ., 1879, № 1. Рукопись XII в.

соусѣка 29 б.

пригърѣца 29 б. Ср. нынче *пригоршня*.

3.

Оставимъ Днѣпръ, и перейдемъ въ Карпаты, гдѣ русская рѣчь, какъ рѣчь горцевъ, и сегодня отмѣчена извѣстною архаичностью: и *е* мягкое еще слышится, и *л* въ концѣ не вокализуется («я іхал по сіно»), и рѣдкія слова живутъ («я маю тілько *верт* косити», т. е. садъ). Можно прибавить и фонему *дж* вм. общерусскаго *ж*, намъ не совсѣмъ ясную. Здѣсь не было такого культурнаго гнѣзда, какъ Кіевъ. Львовъ — новый городъ; города постарше обыкновенно сторожевые посты противъ поляковъ: Переворескъ и др. ¹⁾ Писатели здѣсь были свободнѣе отъ регулирующей традиции; но знаніе славянской грамоты здѣсь должно быть очень давно и не кіевского корня.

Прежде всего сошлемся на сообщенные уже въ нашемъ первомъ «Отчетѣ» пергаменные отрывки изъ XII — XIII вѣковъ. Пользуемся случаемъ, чтобы дополнить тамъ замѣтки.

Листки недѣльнаго Евангелія. Въ суффиксѣ *ен* уже южное правописаніе: *сучѣньни*; таже локальность: *лицѣ*, даже мѣстно-галицкое: *нѣимѣньни*, *нѣзриши* ²⁾).

Листки Пролога, съ тѣми же чертами: *смѣрѣньк*, *сѣгрѣшѣньк*; *миловати вчиши*. («Отчетъ», I, стр. 8). Любопытна форма мѣстн. ед. мѣст.: *твоимъ страсѣ прилѣпивеса*, если не описка.

Листокъ другаго Пролога, крайне пострадавшій, чернила вылиняли — «Отчетъ», I, 6, № 2. И здѣсь: *сѣ дерзновѣнькимъ крестыниинѣ*.

Отрывокъ недѣльнаго Апостола, 8 листовъ или $\bar{\epsilon}$ тетрадь.

¹⁾ Объ этнографической границѣ русскаго народа на Западѣ, о ея мѣстѣ — см. нашъ «Отчетъ изъ-за границы», I, стр. 52 — 68. — Примеры изъ нашихъ путевыхъ замѣтокъ.

²⁾ Текстъ въ нашемъ «Отчетѣ», I, стр. 9 — 10, гдѣ надо исправить опечатки: читать — *ѣши*, *нѣмѣ(ъ)и*, *створиша*, *ко на*, *чи* вмѣсто напечатаннаго: *ѣши*, *нѣмѣ*, *створиша*, *ѣона*, *чнѣ*.

Правописаніе выдержанное; мѣстныхъ чертъ меньше. Въ «Отчетѣ» всего нѣсколько строкъ, почему приводимъ двѣ первыя страницы «Дѣянiя», IX, 28—31; IX, 32—42:

1. и дързоуѣ о имени г҃а іс҃а. г҃ла
ше же и съѣзашесѣ съ елинѣ. они
же начинахоу оуѣвити ¹⁾ и . разоумѣ
въше же братиѣ . съведоша и въ ке
сарню . и ѿпоустѣша и въ тарсъ .
цр҃кви же оубо по всеи юдеи и гали
леи и самарини имѣахоу миръ съ
зидаемѣи ходѣаща страхѣмъ г҃ни
мъ. и оутѣшеньемъ ст҃го дх҃а мно
жахоу сѣ. коу сѣ. Бысть же петроу прохода
щю сквозѣ всѣхъ сънѣти и къ ст҃ы
мъ живоущимъ въ луддѣ. обрѣ
те же тоу чловека нѣкоего именемъ
еннею. ѿ осми лѣтъ сълежаща на
одрѣ. иже бѣ ослабленъ. и рече к
моу петръ. еннею ицѣлѣють тѣ
іс҃ хс҃ъ. въстани и постели со бѣ си.
и авиѣ въста и видѣша и вси жи
воущи въ луддѣ и въ асаронѣ. иже
и обратишасѣ къ г҃ни... Въ ноупѣ
же бѣ и нѣкоѣ оученица именемъ
тавида. ѡже съказакмо г҃лѣть сѣ
сърна. та бѣ пѣла бл҃гѣхъ дѣла
2. и мастынѣ ѡже твораше. вѣи же въ
днѣи ты волѣвъши ки оумрети. омы
въше же ю положиша въ нагорни
ци. близъ соуща луддѣ ноупни.
оученици же слышавѣше. ꙗко петръ

¹⁾ Такъ и въ Шишатовѣцкомъ Апостолѣ, стр. 19. Въ Острожской Библии и теперь — искахоу оуѣвити.

кестъ въ нѣн. послаша два моужа къ
немоу молаше и неѣнитиса приті
до нѣхъ. Въставъ же петръ иде съ
нима. кго же пришьдъша възведо
ша нагорницу и сташа предъ нѣ
мъ. вса въдовица. плачюцася и по
казуюца одежа и ризы. кинко тео
раше съ нѣли соущица сѣрна. нзгъ
навѣ же вѣнъ вса петръ. и поклоны
колѣнѣ помолиса и обращаеца къ
тѣлоу рече. тавида въстани. она
же въврзе очи свои. и видѣвши пе
тра сѣде. имъ же ю за роукоу възведи
же ю. призываетъ же стѣи въдовица
показа ю живоу. оувѣдѣно же вѣи се
по всен ноппи. и мнози вѣроваша гѣи. кѣць ад не
вѣи же дни многы въ ноппи
оу нѣкокого симона оусмара...

Отмѣтимъ нѣкоторыя формы мѣстнаго колорита: предлогъ
оу въ формѣ вѣ: вѣ нѣн=вѣ себе сѣтазашеся, 2 б.; мягкость ц:
горницу, два раза; х вм. к: хрщенью, хрщени 4 а; зват. кор-
нилоу; дат. м. ед. прич. вѣроующомоу 4 б.

Какъ ни малъ этотъ матеріалъ изъ литературной старины
Галиціи, но и въ немъ имѣются мѣстные элементы. Обращаемся
теперь къ большому памятнику, съ датой, чтобы собрать изъ
него не однѣ крохи, но и зерна. Мы разумѣемъ львовскіе Пан-
декты Антиоха 1307 года.

Въ «Отчетѣ», I, 11—18, напечатаны двѣ первыя страницы,
заключительная глава и послѣсловіе ¹⁾. Для точности прибавимъ,

¹⁾ Исправляемъ опечатки въ «Отчетѣ»:

12,	2 ст.	5 стр.	вм. вѣлѣхъ	читай: вѣлѣа
»	1 »	2 стр.	» ю	» в
»	2 »	5 »	» овра	» овра

что рукопись мы прошли всю въ два приѣма: по 148 листъ въ августѣ 1874 года, до конца въ 1880-мъ году, къ сожалѣнію, спѣша, такъ какъ любезнымъ хозяиномъ ея, маститымъ каноникомъ А. С. Петрушевичемъ, она была выдаваема намъ въ гостинницу на самое короткое время. Въ интересѣ исторіи южнорусскаго нарѣчія рукопись заслуживала бы полного изданія.

Если мѣна в и оу дается уже Изборникомъ 1073 года, частично указанными выше отрывками, то въ Пандектахъ 1307 года это характерное явленіе имѣетъ на-столько общій характеръ, что только единицами насчитываются примѣры нормального, школьнаго правописанія. Не знаемъ, можно ли въ самыхъ памятникахъ XVII столѣтія, бывшихъ въ пользованіи у автора, не говоря о какомъ нибудь «Діаріушѣ» Филипповича, стиль котораго производитъ на насъ одно впечатлѣніе — польскій языкъ да русскими буквами — найти черту такого яркаго мѣстнаго колорита, съ такою систематическою выдержкою? Тамъ спеціальныя этнографическія черты такъ, въ перемежку. Но, конечно, это ома-лорусенье Пандектъ 1307 года совершилось не намѣренно.

Уже въ напечатанныхъ отрывкахъ мы имѣемъ примѣры мѣны в и оу въ предлогахъ вѣз, вѣ, и абсолютно: милованѣе оуздан; оу странахъ, оуселиса, оу вѣкты; при формѣ кѣвѣстафѣк (зв. ед.), въ концѣ, на первой страницѣ: коуѣстафѣк, дат. ед. коуѣстафѣю. Ср. еще: навченъ 118 а.; ко вчнкомъ 82 б.; оудовица 57 а.

Пользуясь выписками, сдѣланными въ 1874 году при чтеніи

13,	6 строка	вм. пандекта	читай: пандекта
»	9 »	» -ѣю	» -тѣю
»	9 »	» ѡ	» съ
»	10 »	» ако	» ако
»	12 »	» ѡрѣса	» ѡрѣса
»	14 »	въ: «прилѣжнни» уничтожить кавыку	
»	14 »	вм. ѡца	читай: ѡца
»	16 »	» прѣтъ	» прѣтъ

первой половины рукописи, мѣсть съ формами *оуs* и *оу* вмѣсто *въz* и *въ*, мы получаемъ слѣдующій расчетъ, но приблизительный, такъ какъ нельзя ручаться, чтобы при торопливой работѣ не было у насъ пропусковъ въ отиѣткахъ: предлогъ *оу*, отдѣльно и въ соединеніи, 115 разъ; предлогъ *оуs* 133 раза. Прибавимъ еще, для иллюстраціи силы колорита, что отъ стр. 22 б. мы перестали отиѣчать предлогъ *оу* въ выраженіи *оу кѣкы*, такъ какъ это постоянная форма.

Мелькомъ отиѣтимъ другія, болѣе или менѣе колоритныя черты малорусизма: систематическое *ѣ* въ суф. *ен* (поношѣнья) при вѣроятной звуковой стоимости *ѣ*, какъ *і*: *всихъ* 14 а, не *хвалѣте са* и не *ажѣте* 107 б; русскую вокализацию плавныхъ сочетаній, при мѣстномъ чередованіи *ъ* и *ь* въ корнѣ *скръѣ*: на первой страницѣ *многоу скръѣ*, во второй половинѣ рукописи эта вокализція преобладаетъ; фонему *жч* *вм*: *жд* (*въжчизакъ* 45 б.). Въ морфологіи замѣтимъ уже прочно установившуюся форму дат. ед. прил. *-омоу*, *-емоу*, но особенно малорусскую флексію 1 л. мн. повел. и настоящаго: для перваго писецъ имѣетъ симпатіи къ *мо*, для втораго, но въ меньшей степени, къ *мо* и *мы* (поревну*оу*мо 36 а; *късмы*, *дамы* 117 а. 114 а). Эта форма *мо*, съ подновленной вокализціей конца, совсѣмъ переноситъ рукопись 1307 года въ среду современнаго малорусскаго нарѣчія. Прибавимъ еще, что писецъ Пандектъ изрѣдка, надо полагать, литературнаго вкуса ради, собственноручно флексію *мо* мѣнялъ на *мы*, напр. на стр. 90 б. въ *оузвонмоса*. Родной языкъ его зналъ флексію *мо*.

Но скажутъ: львовскіе Пандекты 1307 года все же памятники церковно-славянскаго языка... Да, но эта рукопись и прекрасный памятникъ малорусскаго литературнаго дѣла и языка и столь же національна, какъ тѣ церковно-славянскіе же памятники, на основаніи которыхъ Даничичъ составилъ свой знаменитый историческій словарь *сербскаго*, слѣдов. роднаго, языка. Надо только доброй воли, чтобы «одиѣнити, колико благо за познаваѣе језика лежи у овакијем споменицима», говоря сло-

вами акад. Ягича въ предисловіи къ только что изданному имъ хрисовулу краля Милутина ¹⁾).

4.

Въ виду такого колоритнаго памятника малорусской рѣчи въ книжномъ дѣлѣ, какъ Пандекты 1307 года, мы можемъ совсѣмъ хладнокровно смотрѣть на недавно открытый церковно-славянскій памятникъ изъ самаго конца XV-го столѣтія, подобнаго же малорусскаго характера, изъ Подолья. Интересы поражающей новизны, свѣжести онъ имѣть не можетъ, такъ какъ онъ въ главномъ повторяетъ то, что константируется, какъ живой элементъ мѣстной рѣчи, безъ малаго за два столѣтія до него.

Мы говоримъ объ обширномъ малорусскомъ Прологѣ, съ апокрифическими статьями, писанномъ «въ градѣ оу каманци при великомъ королѣ Андрѣи въ лѣто 6996-е», а «псалъ сію кпигу нѣхто ѿ (?) Березка з Новаго городка с литовского поповичъ».

6996-й годъ, это 1488; Каманецъ, это Каменецъ Подольскій, Новъ-Городокъ Литовскій, это нынѣшній Новогрудокъ въ Гродненской губерніи ²⁾).

Стиль писанія поповича Березки одинъ съ стилемъ его отдаленнаго предшественника, именно, въ промежутомъ употребленіи формъ ученаго, церковно-славянскаго, языка и своего, народнаго: на фонѣ церковно-славянскаго языка пестрѣютъ мѣстные элементы. Но, подобно юнѣйшей сербулѣ, если стиль Березки

¹⁾ «Светостефански хрисовуѣ краля Стефана Уроша II Милутина. Из старога Сараја изнесла на свиѣт земалска влада за Босну и Херцеговину», у Бечу, 1890, предговор., IV.

²⁾ «Труды VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ», т. II, приложение № 1 къ статьѣ проф. А. И. Кирпичникова: «Успеніе Богородицы» — нѣсколько листовъ изъ кодекса. Вполнѣ согласны съ мнѣніемъ ученаго издателя, что этотъ Прологъ заслуживаетъ обстоятельнаго разбора по составу и языку, но не можемъ согласиться, что Новъ-Городокъ Литовскій, это — Новгородъ *Стверскій* (см. стр. 214, прим. 71).

болѣе пестръ, болѣе модернизованъ въ сторону народной стихіи, то въ пунктахъ вторыхъ. Но обратимся къ сажымъ даннымъ.

Форма повелит. накл. 1 л. мн., какъ въ Пандектахъ 1307 года: «подьмо возмѣмо мрѣю пѣ постѣле ю и оуверзмо оу вогнь. а инии рекли. з домоу сожжѣмъ», «празноуимо... гнѣвъ Ѡверзмо. братью свою милоуимо ...ба просімъ.... не осоужаимо... призываимо... даймо... не вѣрѣймо... слышмо... Ѡбѣгаймо... надѣимоса». Въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи флексія *мо* чередуется съ флексіей *м*; но въ первомъ случаѣ знакъ наклоненія уменьшается до *j* (или до смягченія предшествующаго согласнаго); во второмъ остается нетронутымъ: *ходѣмъ*, но *ходим*. Это чередованіе мы имѣемъ и у Березки: *подьмо*, *оуверзмо*, *даймо*, *слышмо*; но — *сожжѣмъ*, *просімъ* ¹⁾.

Смѣло выступаетъ новообразование въ склоненіи прилагательныхъ: *живого*, *роженого*. Ср.: «сне бѣ живого помилоуи всакого призывающаго».

Смѣло на чуждомъ фонѣ выступаетъ дѣепричастіе (изъ имен. мнж. м. и дат. ед. м.), съ слѣдами и стараго причастія, но въ народномъ нарядѣ:

«весь виѣлиомъ и ерлмъ *оуѣтрившо* возрадовалса пѣсньми поючо и дѣовно *веселачиса*.... и *оураднвшо*...»

«оуслыпахъ голѣ *говорачи* ко мнѣ». Здѣсь «говорачи» нѣсколько сокращенный винит. ед. м.; въ церковно-славянскомъ было бы: «говоращии».

Дательный самостоятельный обоихъ языковъ идетъ параллельно: «мнѣ боудючи... дѣхъ стыйи реклѣ ми», но: «се же имъ изрекшимъ сама почала молитиса».

Второстепенныя черты въ языкѣ Пролога 1488 года, и новыя, это мѣна ѣ не только съ і, но и съ је, мѣна ѡ на є. Это — явленія, по теоріи автора разбираемаго нами труда, бѣлорусскаго характера (стр. 140), т. е. относятъ насъ нѣсколько на Западъ. Можетъ быть, въ нихъ и дѣйствительно сказались

¹⁾ Что желалъ сказать издатель знакомъ вопроса при «подьмо»?

особенности роднаго языка Березки, поповича изъ Новогрудка, хотя оба эти явленія небезъизвѣстны и современной рѣчи русской въ Карпатахъ. Но уже несомнѣнно на Литву указываютъ полонизмы, тѣ полонизмы, которые въ слѣдующемъ, XVI-мъ, столѣтіи составили колоритную принадлежность письменаго русскаго языка Юга, лучшимъ представителемъ котораго является Литовскій Статутъ въ печати 1588 года, русское *Nabeas corpus*, и на-столько, что они цѣликомъ, *en masse*, перешли и въ обиходъ, и въ литературный языкъ писателей XVII вѣка.

Полонизмы лексическіе: оуборздъ, завъжды, немощнъ, обещахъ.

*Полонизмы морфологическіе: новообразование формы условнаго наклоненія: «оустали естѣ, што бы есте пошми» — механическая комбинація условной частицы съ лишнимъ вспомогательнымъ глаголомъ, подъ вліяніемъ своеобразно понятаго образования того же наклоненія въ польскомъ языкѣ, въ которомъ условная форма *byście*, въ своей второй части, звучитъ одинаково съ вспомогательнымъ глаголомъ въ образованіи прошедшаго изъявительнаго — *zgliście*, т. е. *шли есте*.*

Мы только что сказали, что для всѣхъ подобныхъ полонизмовъ Литва XVI вѣка была попутнымъ этапомъ въ ихъ движеніи на юговостокъ, и тутъ прочно они усѣлись. На нихъ стали смотрѣть какъ на элементъ народный; въ сознаніи писателя всѣ эти *бардзо, обещахъ, мощнъ* не только уже не были варваризмами, но иначе, по своему, онъ и не счумѣлъ бы выразиться. Самъ законодатель стиля, Смотрицкій, опредѣляя, что грамматика «есть извѣстное художество — *благо* и глаголати и писати учашее», якобы славянскіе предлоги *ко* и *по* протолковалъ совсѣмъ *неблаго*: «росски *ведмугъ*». Ясно, что онъ и не предчувствовалъ, что это не «росскій» предлогъ. Справедливо г. Жытецкій характеризуетъ стилистическіе приемы однополчанина Смотрицкаго, Памвы Берынды, что онъ «не считалъ искаженіемъ *русской мовы* употребленіе въ ней польскихъ словъ, лишь бы они написаны были славянскими буквами» (стр. 43): Берында, напр.,

слав.-де *сила* толкуетъ: *моуѣ, цюта*. Но почему? Потому, что подобныя слова вѣками утвердились въ обиходѣ, какъ ясно изъ труда Березки. Скажутъ: какая нечисть! Но мы болѣе снисходительны и не видимъ принципиальной разницы между Березкою, Берындою, говорившими: *обецаѣ, моуѣ*, и кавалерійскимъ офицеромъ, трактующимъ о своей *тужуркѣ*. Каждая эпоха имѣла свое вліяніе.

Какъ мирно подъ одною кровлею—подъ перомъ Березки—укладывались рядомъ и уживались оба элемента: ученый, церковно-славянскій, и простой, народный, даже тамъ, гдѣ они своимъ внутреннимъ диссонансомъ помѣщались другъ около друга не могли бы, видно напр. изъ такого примѣра: при обветшаломъ аористѣ 1 лица ед. ч. стоитъ мѣстоименіе этого лица въ русской формѣ, а при народномъ замѣстителѣ аориста тоже мѣстоименіе въ церковно-славянской формѣ, и это рядомъ. Такъ: «и рекохъ ѿ иванъ: азъ въполъ былъ оу...». Эта оригинальная пестрота стили, широкая вѣротерпимость, напоминаетъ намъ языкъ Слова о полку Игоревѣ, замѣтимъ мимоходомъ.

Всѣ эти, вкратцѣ отмѣченныя, черты языка Пролога 1488 года переходятъ въ литературный языкъ слѣдующаго столѣтія, но еще съ болѣшимъ уклономъ въ сторону мѣстной русской рѣчи, такъ что если прежде церковно-славянскій языкъ представлялъ фонъ, на которомъ пестрымъ букетомъ разбросаны были въ безпорядкѣ мѣстные элементы, то теперь роли мѣняются, и уже народный языкъ является фономъ, испещреннымъ то здѣсь, то тамъ славизмами. Виднымъ представителемъ такого порядка южнорусскаго литературнаго языка является *Литовскій Статутъ* ¹⁾.

¹⁾ Прекраснымъ экземпляромъ этой рѣдкой книги мы пользовались въ библиотекѣ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ, въ отдѣлѣ «Старопечатныя книги» № 18. Свободнымъ пользованіемъ какъ этой книгой, такъ и другими, мы обязаны радушному бібліотекарю этого новаго книгохранилища, А. В. Станкевичу, за что и приносимъ ему нашу живѣйшую признательность.

Считая языкъ Статута достойнымъ спеціального изученія, мы отмѣтимъ здѣсь немногія морфологическія и инныя черты: но и изъ нихъ ясно будетъ состояніе языка.

Самый пестрый букетъ представляетъ мѣстный падежъ именъ мужескихъ и среднихъ; тутъ все смѣшалось въ кучу, иногда въ одной фразѣ: «ани на перевозехъ, ани въ торгохъ, ани на мѣстечкахъ и стодолахъ,.... въ именахъ своихъ» (37).

Неопредѣленное — то *ти*, то *ть*, какъ въ Галиціи, какъ у Шевченки: «не маеть *быти* мыто давано... мостовое брано *быть* не маеть» (39).

При простой формациіи прошед. времени: «на тебе брехалъ *яко* песь» (91), и морфологическій полонизмъ: «*естесмо* учинили» — важности слога ради.

Какъ у Березки, такъ и въ Статутѣ дѣепричастіе выступаетъ свободно, и условно: «ремесло робечи на варстате» (88), «дорогою тягнуци... бралъ» (64), «кождю речъ знашодышы нести» (63), и абсолютно: «а старостове, державцы, або мытники наши естли бы такъже *беруци* мыто дорогъ на именяхъ нашихъ не направовали, тогды шкодъ и накладъ томъ хто *ицъчи* што наложить, виньни бѣдътъ платити» (37).

Одно и то же слово и въ оригинальной малорусской формѣ, и тутъ же въ польскомъ нарядѣ: «гдѣ бы шло о речъ *кривавъю*, т. е. о горъло» (51), но — *кревного* (52). Вездѣ, конечно, *моць*, рѣдко-рѣдко *мочь*, *продки* изъ пол. *przodki*. Но въ то же самое время церковно-славянская старина живетъ въ самыхъ пріемахъ правописанія, особенно же въ изображеніи словъ плавной вокализациі: *горъло*, но «горло торъгнулъ» (87), *долги*, но «ку долгомъ пришолъ» (47); *держжати*, *потвержженью*, словно предъ нами классическое остромирово: *отъкѣръзеться* (286 а 1).

Правда, г. Житецкій проводитъ рѣзкую демаркаціонную линію между языкомъ Статута и языкомъ южныхъ писателей; но — тутъ дѣло личнаго вкуса, нѣкоторыхъ субъективныхъ построеній. А главное, самъ авторъ уничтожаетъ въ концѣ концовъ эту линію признаніемъ, что языкъ малорусскихъ произведеній пер-

вой половины XVII столѣтія двигался въ стилистическихъ приемахъ Статута (стр. 140—141). Слѣдовательно, уже по этому самому литературному историку малорусскаго нарѣчія игнорировать Статутъ нельзя. Мы же прибавимъ, что и во второй половинѣ XVII вѣка, когда литературнымъ центромъ сталъ Кіевъ (141), слѣды XVI вѣка не стерлись до конца. Самъ Смотрицкій, законодатель нашего литературнаго правописанія, свои параграфы формулировалъ одинаково для писателей и Литвы, и Юга, обоего стана, когда утверждалъ требованіе для нихъ — не путаться съ *н*, не смѣшивать его ни съ *je*, ни съ *i*. Наконецъ, встрѣчая такіе колоритные звуковые малорусизмы, какъ «*ѡфаммъ* тому слѣзѣ», «*з лифы жилъ*», кто поколеблется въ отнесеніи Статута къ яркимъ свидѣтелямъ литературнаго употребленія южно-русскаго нарѣчія въ старину?

Но если Статутъ Литовскій являетъ своимъ *e = н* нѣкоторую тенденцію къ западу, то иные его сверстники, родомъ по южнѣе, имѣютъ свои тенденціи, къ своему: но всѣ эти мелкія, нерѣдко взаимно скрецающіяся особенности языка памятниковъ одного и другаго рода слишкомъ ничтожны для того, чтобы имѣть въ нихъ основаніе для теоріи цѣлыхъ двухъ литературныхъ теченій, двухъ литературныхъ стилей — языковъ, какъ это, кажется, исповѣдывается авторомъ.

Для характеристики тѣхъ сверстниковъ — два слова о малорусской рукописи XVI вѣка въ Чешскомъ Музеѣ въ Прагѣ, изъ собранія пок. Шафарика.

Частично она давно извѣстна. Это — «Поученія избранна ѿ сѣго еѹліа», или *Postille*, какъ назвалъ ее Добровскій, приведши отрывокъ въ предисловіи къ Пухмейеровой «*Lehrgebäude der russ. Sprache*» и невѣрно замѣтивши о языкѣ, что рукопись писана «*von einem polonisirenden Kleinrussen*» (р. XIII).

Поученія — памятникъ XVI столѣтія, какъ это слѣдуетъ изъ соображенія даты покупки рукописи: «в лѣто 1604 (т. е. 1604) купи сию книгу еѹліе учителное... Лука Василевичъ изъ села Братковѣ подданыи пана Лисувскѣ... и приписѣ до села Братковѣ».

Покупщикъ — крестьянинъ, «подданный», какъ титуруется сельское сословіе въ Статутѣ. Село Братковичи и сегодня въ Галиціи, повѣта Городокъ (близъ Львова), и сегодня съ тою же церковью, которую знаетъ рукопись — «рождества прѣтой влѣщи нашѣ бѣи и прѣно двѣ мріи»¹⁾. Если не въ Братковичахъ, то гдѣ нибудь вблизи, вѣроятно, и писана самая рукопись.

Для характеристики литературнаго стиля этого простаго памятника XVI столѣтія отмѣтимъ прежде всего извѣстную моду въ воскрешеніи ветхаго славянизма въ приемахъ письма: мѣстами словно Супрасльская рукопись передъ нами, чтобы въ другихъ мѣстахъ и ее превзойти. Здѣсь ясный знакъ, что предъ нами работа истинно «писменнаго» человѣка (кстати замѣтимъ, что г. Житецкій напрасно этотъ народный малорусскій терминъ производитъ отъ *писати*: онъ отъ ц. слав. сущ. *писа* буква, слѣдов. = грамотѣй), начетчика, вчитывавшагося въ писанія старины.

Вотъ слова плавныхъ сочетаній: *огнѣи нилъ, прѣси, зрѣицѣи, крѣтъ*. Изрѣдка эта старина дисгармонируется народнымъ «гордыѣ», хотя кавыка все же удержана. Даже слова съ польской вокализацией не забываютъ кавыки: *покаръ момъ*.

Заботливо соблюдая загадочное исконное литературное преданіе при передачѣ словъ плавныхъ сочетаній, писецъ, въ ладъ съ иными современниками, идетъ въ напускной архаичности своего стиля до смѣшнаго и важно пишетъ: «юж поиди с покоемъ. а *блше* грѣхѣ нечѣнии». Но онъ, повторяемъ, не одинокъ въ этихъ своихъ архаистическихъ домыслахъ. Вотъ нѣсколько справокъ.

«Книга бытіа небеси и земли», рус. рукоп. XVI в. въ Моск. Синод. библіотекѣ. Писецъ пишетъ: «въ дни црѣства тронгана *идлѣстни* жртѣвѣ»²⁾.

Другой русскій памятникъ XVI вѣка, Кормчая; описана

¹⁾ См. «Schematismus universi venerabilis cleri archidioeceseos metropolitanae Graeco-Catholicae Leopoliensis pro a. D. 1872», стр. 48.

²⁾ Изд. А. Поповымъ въ «Чтеніяхъ», 1881, I. Предисловіе VIII.

Востоковымъ въ «Описаніи рукописей Румянцовскаго Музея» № 233. «Правописаніе (напр. *нашимъ*) и нарѣчіе, говорятъ Востоковъ, южнорусское, съ примѣсью болгарскаго и польскаго» (стр. 308). Но приемы письма! одинъ архаизмъ... Писецъ пишетъ: «малыми болѣзными *блшихъ* избыти»; *блзотвореніе*, «*пгзу* слышацимъ»¹⁾.

Далѣе, въ кievскомъ Патерикѣ: *вѣми*, т. е. вельми²⁾; въ южнорусскомъ четвероевангеліи 1604 года: *пгзевалса*³⁾. Кто, въ виду правописанія послѣдняго слова, не вспомнить «*plezne dle*» извѣстнаго западнославянскаго памятника?

Но изъ этой странной обстановки, искусственно, но не искусно, подновленной старины, мы сразу попадаемъ въ кругъ явленій самой простой малорусской рѣчи, даже съ ѣ = je Статута. Мы читаемъ: «видишь малѣю *запороху* в' оцѣ его. а оу *своѣй* *бервена* не видишь» (За), или: «и лѣчь под тым дровомъ *смѣрекомъ*». *Смерекъ* чисто галицкое слово, родъ сосны, въ чешскомъ *smrk*. Параллельно съ морфологической стариной: «въ голодѣ и... в' постѣхъ» (126), авторъ знаетъ свою флексію для мѣстнаго пад. мн. — *охъ*: «*ω тѣ двѣ члкоѣ*», знакомую намъ изъ Ипатьевской лѣтописи, Пандектъ 1307 года, особенно симпатичную редакторамъ Статута Литовскаго, гдѣ: *на замкохъ*, *рокохъ* и пр. (см. ниже), и столь излюбленную и сегодня въ Галичинѣ, гдѣ эта флексія узурпаторски прошла въ склоненіе темы *i*: *мислѣхъ*⁴⁾.

Для наглядности въ опредѣленіи чертъ галицко-малорусскаго письма XVI вѣка приведемъ изъ нашего памятника его начальныя страницы: мы ясно увидимъ, что къ XVII столѣтію мѣстная рѣчь съ привносами новой даты уже стала на костяхъ церковно-славянскаго языка, овладѣла его вѣковымъ терреномъ, вступала въ его мѣсто.

¹⁾ Это изъ Посланія Якова мниха къ князю Изяславу; цитуемъ изъ «Исторіи русской Церкви» преосв. Макарія, II, 341—349.

²⁾ Барсовъ, «Чтенія», 1884, II, 257.

³⁾ Тамъ же, стр. 19.

⁴⁾ Нашъ «Отчетъ» I, 44: *людѣхъ*, *купелѣхъ*. Сближеніе языка Ипатьевской лѣтописи и говоровъ Галичины — тамъ же, 30.

«Рче гѣ причоу сію. члѣка два пришли до цркви млѣтиса боу: едѣнъ былъ фарисей, а дрѣуги мѣтаръ: фарисей стоѣчи мовиль тѣи слова: бѣ тебѣ хвалу въ^адаю. тако несть гмѣ таковѣй, тако инѣи члѣци хѣщници неправедници прелѣбодѣици и не есть емѣ таѣй, гмѣ тои мѣтар. котѣрыи стоѣтъ за мною. або вѣмъ пощу въ тыжденъ два дни и даю десатинѣ зо всѣхъ рѣчи котѣринъ маю. а тот мѣтар стоѣчи за нимъ, не смѣл ани ѡчѣи своихъ поднѣсти до нба. едно биѣчиса въ прѣси свои, и мовиль тѣи слова. бѣ мѣлостив боуди мнѣ грѣшному. за правды повѣдаю вамъ. ачѣже мѣтаръ былъ грѣшныи члѣкъ. але южъ покорѣвши срдце своѣ и дшоу и оумыслѣ свой. тѣгда съ плачемъ молился до бѣ ѡца. и былъ выслѣханъ ѡ бѣ. або вѣмъ каждыи котѣрыи подносится або чинится вышѣишѣи. тотъ боудетъ наинѣишѣишѣи. а котѣрыи покѣрѣтѣся и чинится наинѣишѣишѣи. тотъ боудетъ поднесѣныи на вышѣе мѣсце. *Конецъ еѣли стои.*

А такъ вѣишѣици еднѣстѣице помѣлѣмоса до всемѣлѣстиваго бга ѡца. абы рѣчили зослати лѣску и даръ стго дха въ срдца наѣша. абы слово бжѣе вселилося и мешкало в насъ. абы есмо ходѣли стѣжками тѣими котѣрыи биѣсмо мѣли дойти мѣсца ѡного. котѣрое бгъ наготѣвилъ тѣимъ котѣрыи рѣсказанѣе его чѣнатъ. то есте слышѣали еѣлѣе стоѣе нѣѣшнее котѣрое чѣталоса при хвалѣ бжѣи и теперъ са прочѣтало. а имѣйте собѣ мѣсца къ сѣданѣю. и слоухайте слова бжѣа и с пѣлностѣю и скрѣхоу срдчноу. абы есмо тѣе выслѣхавши и захѣвали при собѣ тѣи слова бжѣи...»

5.

Мы почти у конца съ нашими истѣрическими припоминанѣи. Но мы бы провинились предѣ малѣруссѣимъ языкомъ, съузили бы размѣры литературныхъ судебъ его въ далекомъ прошломъ, умалили бы его значенѣе, если бы обошли молчанѣемъ одинъ серьезный фактъ въ его вышѣней истѣриѣ: значенѣе его, какъ языка *государственнаго*, въ странѣ, котѣрая раньше, правда, входила въ кругъ земель русскѣхъ, но затѣмъ стала достѣянѣемъ чуждаго по происхожденѣю народа. Читатель догадывается,

что мы говоримъ о бассейнѣ средняго Днѣстра и Прута, о литературномъ южно-русскомъ языкѣ здѣсь, о языкѣ дипломатическомъ, дѣловомъ, среди нараждавшихся и формировавшихся въ молдавское господарство Румынъ. Фактъ любопытный, что сѣверо-румынскій элементъ, возвысившись до государственной жизни, для своихъ духовныхъ нуждъ пользуется языкомъ чужимъ — именно литературнымъ языкомъ своихъ культурныхъ сосѣдей, южнорусовъ. Нелегко было молдавскимъ дьякамъ какой-нибудь Сучавы, Бѣлгорода справляться съ чужимъ литературнымъ языкомъ: если въ XIV столѣтіи онъ еще выливается у нихъ довольно плавно, почти не различаясь отъ дѣловаго языка актовъ Галичины, то чѣмъ дальше, тѣмъ борьба была труднѣе, родной языкъ темнилъ сознание чужихъ грамматическихъ формъ, самыхъ пріемовъ письма, пока не получился какой-то винигреть, но все-же съ памятью о *малорусской* рѣчи.

Фактъ этотъ не новъ, давно отмѣченъ, какъ извѣстны и самыя литературныя памятники этого рода: надписи, лапидарныя и простыя, договоры, грамоты, записи. Вспомнимъ сборникъ Венелина, «Записки*Одесскаго Общества исторіи», «Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи», изданія Кіевской Коммиссіи; изъ послѣдняго времени — богатое собраніе документовъ въ изданіи Яскаго епископа Мелхиседека (въ 70-хъ годахъ).

Прибавимъ еще къ слову: какимъ свѣжимъ русскимъ запахомъ бьетъ иногда отъ самаго румынскаго языка, напримѣръ, отъ его суффикса прилагательныхъ относительныхъ — *esk*, съ нѣсколько мягкимъ *e*: *rusesk*, *rumunesk*. Это румынское образованіе именъ прилагательныхъ невольно вызываетъ въ памяти аналогическія формы, напр. Пандектъ 1307 года, ихъ *женескъ* 45 б, *дыволескъ* 102 а, 132 б, *вѣсовескъ* 129 а, и другихъ скромныхъ глашатаевъ письменнаго употребленія народнаго языка Юга.

Извѣстно, наконецъ, на-сколько средневѣковые письменные памятники Молдавіи богаты «вонею» южнорусской, на-столько памятники Валахіи обдають насъ своимъ болгаризмомъ: тутъ

всѣ особенности среднеболгарской орфографической школы: юсы, безъ конца юсы, и все не на мѣстѣ.

Пользуемся случаемъ и помѣщаемъ здѣсь, если не особенно яркаго представителя румыно-русскаго дипломатическаго языка второй половины XV-го столѣтія, то, во всякомъ случаѣ, новаго — новую грамоту, которая осенью прошлаго года была передана намъ для прочтенія о. ректоромъ Одесской Духовной Семинаріи, М. Ѳ. Чеченою. Она почти одного времени съ трудомъ Березки; писалъ ее въ 1471 году дьякъ изъ Сучавы, слѣдовательно, со-сѣдъ; но большая разница между языкомъ Пролога 1488 года и этою грамотою. Только мѣстами мелькаетъ малорусская народная стихія, напр. въ упрямо державшемся малорусскомъ приѣмѣ вокализациі плавныхъ сочетаній — *ер* (*червоюои, ьпрхъ*), въ употребленіи *ь* какъ *і*; далѣе здѣсь: *и* вм. *е* (*ь*) (*каминь*); иностранное *о* передается чрезъ *фот*; предлогъ *оу* (*на*) въ удвоенной формѣ; оконч. 3 л. мн. — *тца*; прош. время изъ причастія на *лъ* и вспом. глагола (*отъаели смъ*) и др.

Грамота изъ того времени, когда Турки еще не успѣли отхватить юга Бессарабіи съ Бѣлгородомъ (что нынѣ Аккерманъ) и ликвидировать въ эту сторону государственное развитіе Молдавіи: румынская стихія спокойно развивалась и на нижнемъ, и на среднемъ Днѣстрѣ. Къ мѣстности средняго Днѣстра и относится наша грамота своими топографическими названіями, которыя, замѣтимъ, сохранились и по сегодняшній день. — Пергамень прочный, буквы поверхъ нарѣзовъ. Всего 40 строкъ. Въ концѣ привешена печать изъ черной смолы (разбитая) на шелковомъ шнуркѣ изъ красныхъ и зеленыхъ нитокъ. Письмо грязное, нечеткое, почему мѣстами неясенъ смыслъ.

1471 г., изъ Сучавы, воеводы Стефана Великаго.

† Милѡ божьѣ мѣ Стифа вѣва гѡпѡ вѣи зѣмли молдавской
знаменито чинѣмъ всѣмъ лѣтѡ нашѣмъ кто | нан узъритъ или почи-
ѣчитъ ислишѣтъ ѡтѣ жѣ то и вѣи ѡ ѣтѣ слѣги нашѣ вѣрномъ афѣта.

насеа сынъ | нѣмъ глигорѣко храпкѣмъ да иноанъ мѣ сѣнѣмъ
 диорѣди шѣлѣмъ изъ сѣло бакъсанъ что | ѣтъ на сороцкаго цѣнѣто
 слѣжѣли на право и вѣрно тѣ мѣ видѣвъшь право и вѣрь и
 слѣжѣтъ до на жа | ловали смо мѣ и особѣ ѡт нашѣа мило
 дали и потвѣрьдѣлно мѣ и ѡтнинѣ изъ цѣлоѣ вѣтчинѣ | сѣло
 поанѣе что ѣтъ на рѣка нѣтро на въ сороцкѣ цѣнѣто гдѣ бѣли и
 домѣ и дѣдка и садовѣ | и лесѣ которѣ да ѣтъ и ѡт на ѣрѣкѣ
 со всѣмъ доходѣ по ѣкрѣгѣ на въ и дѣтѣ и. вѣнѣа имѣ. и |
 прашѣнѣа то и прашѣратѣ и прапрашѣратѣ и всѣмъ плименьствѣ
 и кто наближѣ | бѣдѣтъ ѡт и родѣ. на хотѣрѣ сѣижѣ вѣтчинѣ и
 сѣло поанѣе начинаѣтца перѣвои ѡт рѣка нѣстра изъ | камѣнѣ
 что ѣтъ на рѣат дѣ крайно что разѣдѣлаѣтца изъ вѣтчинѣ рашѣково.
 и ѡтцада на горѣ ест | полѣнои пока ѣкѣпана. ест и тамо е
 камѣ хотарѣ розѣдѣ всѣ изъ вѣтчинѣ рашѣковѣ. и ѡтѣдо всѣ |
 на въ горѣ пока на близнѣати могили тамѣ ест розѣдѣ на коца ѡт
 вѣтчинѣ шѣнѣко что назѣ | ваѣт и главѣнѣща. и розѣдѣ и вѣт-
 чинѣ рашѣково ест на моги. старѣ хотарѣ вѣтчинѣ поанѣе. гдѣ
 ест и | камѣ хотарѣ. жѣ ѡттамѣ е возѣврат на въ нѣзѣ вѣтчинѣ
 поанѣе да всѣ на прѣдѣ отсоли вѣтчи | но е шѣпѣко которѣа
 възѣваѣт и главѣнѣщи пока задѣт на бѣлои скалѣ. тамѣ ест жѣ
 розѣдѣ и | изъ вѣтчинѣ шѣпѣко что назѣваѣт и главѣнѣщи. ест
 камѣ хотарѣ на вѣдно вѣтчинѣ поанѣе. | и ѡтѣда жѣ на въ до
 вышѣ. на всхѣдѣ сѣца коло вѣтчинѣ оръчидара да идѣтъ прѣа на та-
 бѣро | гдѣ тамѣ ѣтъ камѣнѣ хотарѣ розѣдѣлѣ изъ вѣтчинѣ оръчи-
 дарѣа и ѡттамѣ е ѡт табѣро и идѣтъ | по вѣрѣхѣ овѣчѣа ѣпро
 оръчидара и на прѣдо е на всхѣдѣ сѣца по градѣ и по вышѣ ѣ
 и | счита кѣратѣра ест камѣ хотарѣ вѣтчинѣ поанѣе. и на тѣ на
 въ нѣсѣтра коло вѣтчинѣ тарасѣвоѣ | да со вѣсо на прѣдѣ пока на
 рѣкѣ нѣстра гдѣ ест на бѣрѣгѣ рѣкѣ нѣстра камѣ хотарѣ
 розѣдѣ | вѣтчинѣ поанѣе ѡт вѣчинѣ тарасѣвои. которѣ хотарѣ
 ест на прѣтивѣ черѣвои каминѣ | что ест. за рѣка нѣстра. ижѣ
 ест тамѣ на въ горѣ всѣ по рѣка нѣстра пока задѣтъ на хотарѣ |
 ѡтѣда начѣса. ѡтжѣ вѣнѣно на то ест с вѣра гѣа мѣ вышѣ
 пѣно гѣнѣ сѣтифанѣ мѣ вѣдѣ и с вѣра боѣръ нашѣ. вѣра пана

стѣчѣла и сынѣ его пана моерьзѣ перькалабовѣ бѣ | граѣцкаго. вѣра пана влаикѣмѣ и сынѣ его. пана дѣмое старѣта хотѣцкаго. вѣра пана | гоана перькалабовѣ килик(а)го. вѣра пана исаи дворянѣка. вѣра пана збѣарое перькала | бови бѣилоградѣ. вѣра пана альпѣла перькалаба нѣмецкаго. вѣра пана бѣхѣтиновѣ | вѣра пана петр.....¹⁾ данѣмовича. вѣра пана пашѣка перькалабови киликаго. вѣра | пана фетень новограѣцкаго. вѣра пана гангѣра орыхѣикаго. вѣра пана стѣфанѣ чарѣнат | вѣра пана чокоа рылинь. вѣра пана гаѣцка хѣдича. вѣра пана ивашѣко среѣковича ²⁾ | вѣра пана Бодѣи спѣтарѣи. вѣра пана г.. оинѣ вѣтерѣника. вѣра пана мѣоинѣ постѣника. | вѣра пана нѣпрѣла чашнѣка. вѣра пана лѣки стѣника. вѣра пана нанѣига комиса. | и вѣра всѣхѣ боарѣхѣ нашѣ^х мѣдавски^х вѣлики^х и мали^х. а по нашѣ жѣвѣт ктѣ бѣдѣт гѣпѣ | прѣ наше^х земли мѣдавской ѣт дѣти^х нашѣ^х и го плимѣ бѣдѣ кто бѣдѣто кого Богѣ. | избѣрот про то що бѣ нѣпорѣшѣно и некѣто а некѣ не въ чѣ. да ещо дати и потвѣрѣдит | и какѣ имѣ дѣ и подвѣрѣдѣи но мѣ и^х по право и вѣрѣной и^х слѣжѣбѣ. га на бѣшѣ крѣпѣт | мѣ вышѣ пѣное. вѣлѣимѣ нашѣмѣ вѣрѣнымѣ болѣрьянѣ вѣликимѣ панѣ мѣноилѣ | аковѣило ѣепкѣ^х ѣтписат и нашѣ пѣчат прѣвѣкѣсит к сѣмѣ нашѣмѣ лѣтѣ. писалѣ | власѣи харѣнѣковѣ диакѣ. ѣ сочавѣ. вовѣ лѣтѣмѣ зѣод или мѣца зѣ дна.

6.

Мы у конца нашей задачи, у конца нашего пониманія литературной исторіи малорусскаго нарѣчія. Наши замѣчанія, это — статистическая отмѣтка постепенной русификаціи на Югѣ церковно-славянскаго языка. Мы слѣдили, какѣ мало-по-малу, по шагѣ за шагомѣ, все болѣе и болѣе народная стихія прокладывала себѣ путь, выходѣ въ книгу, въ письменность. Кѣ концу XVI столѣтія старѣй литературѣный языкѣ, церковно-славянскѣй,

¹⁾ Нѣсколько буквѣ стерто.

²⁾ Вѣроятно, вытерта буква ч.

выродился, преобразился въ **новый**, національнаго характера, готовый на всяческую службу русскимъ **культурнымъ** людямъ. Вспомнимъ §§ государственнаго права въ Статутѣ. Но, представленный одному навыку, преданію, безъ какой либо школы, которая въ состояніи была бы регулировать приемы письменнаго выраженія, потому непоследовательный, шереховатый, а главное.—беззащитный, совсѣмъ открытый для дѣйствія на него центробѣжной силы мѣстныхъ говоровъ, языкъ этотъ, но не проба робкаго пера, былъ въ опасности расплыться. Это тяжелое положеніе его еще болѣе усиливалось отъ появленія подъ бокомъ у него языка польскаго, съ польскою государственною идеей, намѣтившею, какъ свою первую жертву, русскую церковь съ ея вѣковымъ языкомъ. Высшіе слои уже полячились, за ними всѣ, считавшіе себя образованными; все привыкало говорить, писать и мыслить по польски, отбрасывая родное преданіе, какъ вещь, пришедшую въ негодность. Вспомнимъ параллельное явленіе въ Чехіи въ XVII—XVIII вѣкахъ. И, тѣмъ не менѣе, преданіе—старый литературный языкъ, не погибло: явилось у него подкрѣпленіе, и старый языкъ, обновленный, приведенный въ порядокъ, пройдя затѣмъ рядъ поправокъ, новыхъ приспособленій, сталъ единымъ литературнымъ языкомъ всей Русской Земли.

Это подкрѣпленіе явилось въ лицѣ школъ, а за ними руководство для регуляціи письменнаго языка, составившихся по указанію грамматикъ классическихъ языковъ. Эпоха возрожденія, въ своей восточной периферіи, зацѣпила и насъ, пасынковъ европейскаго образованія.

Въ привилегіи короля Сигизмунда отъ 1592 года Берестейскимъ мѣщанамъ (выражаемая такъ вмѣсто непозволительнаго «Брестскимъ»), слѣдов., спустя четыре года послѣ Статута, именно на *первомъ* мѣстѣ поставлены оба классическіе языка, а *послѣ* нихъ—польскій и русскій: «а для науки дѣтей народу христіанскаго всякаго стану ку оздобѣ и пожитку Рѣчи Посполитое, позволяемъ имъ мѣсти школу греческаго, латинскаго, полскаго

и руского языка и людей ученыхъ въ тыхъ школахъ волно ховати духовного и свѣцкаго стану» ¹⁾).

Думаемъ поэтому, что г. Житецкій не правъ, когда инициаторамъ общаго школьнаго образованія приписываетъ узкія конфессіональныя цѣли (стр. 9), тогда какъ школа для нихъ на первомъ мѣстѣ была вопросомъ *политическимъ*. Надо было спасать своихъ людей отъ искушеній. Наивно, но вѣрно, характеризуетъ школьное значеніе іезуитовъ фантастъ Филипповичъ. «Езуиты, жалуется онъ, внутрности людскіе въ дѣткахъ малыхъ отливными словы на науки блудные... побравши, въ школахъ комедіи строячи, въ костелахъ катедры маючи и книжки переницованные, пзмышленные ошуканемъ шатанскимъ выдаючи, незбожне до людей простнихъ, потаковниковъ своихъ, въ огиду подаютъ» ²⁾). Надо было бороться противъ только что водворявшихся «значнихъ предтечъ антихристовыхъ» (какъ титуловалъ іезуитовъ авторъ «Діаріуша») и «барзо мудрыхъ», вооружиться ихъ собственнымъ оружіемъ, стать сначала сколько-нибудь латинумудрыми, чтобы позже быть и «барзо». Латинское знаніе было безусловнымъ оружіемъ для борьбы. Прятать латынь имъ не для чего было, и они не прятали, помѣщая се сейчасъ за греческимъ языкомъ. А въ какое удобное стадо входили іезуиты, видно изъ признанія, сдѣланнаго самымъ торжественнымъ образомъ на Кіевскомъ помѣстномъ соборѣ 1640 года, т. е. представителями Церкви, и тогда уже, когда и Могилянская Коллегія уже давно дѣйствовала. «Въ нашей русской Церкви, говорилъ архимандритъ Исаія, открывая соборъ, есть славянскія книги, которыя не многіе священники русскіе понимали» ³⁾).

Но въ заслугу людей того времени вмѣнить надо то, что они не утрастились тяжелой преспективы: школа шла за школой, какъ типографія за типографіей, а вѣнцомъ этихъ благородныхъ

¹⁾ «Русская историческая Библіотека», кн. IV, изъ «Діаріуша» Филипповича, стр. 70.

²⁾ Тамъ же, 92.

³⁾ Тамъ же, 27.

стремлений и была центральная школа Могилы. Тогда-то могли появиться и свои «мудрые». Они и появились и взяли въ свои руки дѣло просвѣщенія, литературу и ея языкъ. Справедливо, хотя и вычурно, писалъ еще Венелинъ: «Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось это непріятное направленіе (т. е. Унія), если бы Провидѣніе не наслало ангела-хранителя возжечь въ богоспасаемомъ градѣ, на горѣ печерской, свѣтило божіе, новый лучъ просвѣщенія. Этотъ ангелъ былъ — юный молдавскій принцъ, Петръ Могилы»¹⁾.

Вмѣстѣ съ организаторами классическихъ школъ явились и *регуляторы литературнаго языка* съ грамматическими, учебными трудами. Языкъ этотъ они называли славенскимъ или славено-росскимъ. Во главѣ ихъ сталъ Мелетій Смотрицкій и въ такую благовременную пору, какъ начало XVII столѣтія, при самой организаціи школьнаго дѣла.

Авторъ «Очерка литературной исторіи малорусскаго нарѣчія» посвящаетъ Мелетію, его знаменитой Синтагмѣ²⁾, цѣлую главу (16—27) и справедливо: ибо, какъ замѣчено выше, мы и сегодня, учась грамотѣ, живемъ знаменитымъ нашимъ филологомъ десятихъ годовъ XVII столѣтія. Г. Житецкій детально разсматриваетъ грамматическія положенія Мелетія; но авторъ, какъ намъ кажется, не достаточно точно выяснилъ общее значеніе его труда.

Откровенно сказать, Мелетій съ своею Синтагмою представляется намъ Добровскимъ XVII столѣтія. Правда, и г. Житецкій сближаетъ обоихъ — но въ одномъ — что оба искали «чистый славянскій языкъ» (18) и, конечно, не нашли, и — только. А между тѣмъ оба они работали по однимъ источникамъ — памятникамъ средняго времени, при болѣе или менѣе общемъ критеріи — тек-

¹⁾ Изъ выше указ. рукописи въ Румянц. Музеѣ.

²⁾ Г. Житецкій, въ концѣ Предисловія, обвиняетъ кого-то въ неточной транскрипціи текстовъ, а самъ именно грѣшитъ въ этомъ: въ сообщаемомъ имъ титулѣ грамматики Смотрицкаго онъ дѣлаетъ 8 ошибокъ. Титулъ читается: Грамматика славѣнска прѣкраснаѣ Синтагма... мнѣхъ Мелетіа Смотрицкаго... «Сяѣ». (Пользовались мы экземпляромъ бібліотеки Имп. Росс. Ист. Музея).

стовъ русской рецензіи; оба одинаково примѣняли къ славянскому языку современную имъ грамматическую науку, оба и одинаково любили свое дѣло, своего избранника; оба одинаково и ошибались. Авторъ «Обзора» отличаетъ Мелетія отъ Добровскаго тѣмъ, что Мелетій русифицированныя формы приписывалъ «чистому славянскому языку» (19). Но мы бы затруднились сдѣлать такое различіе: и тутъ оба были братья родные.

Мелетій самъ, хотя и не прямо, указываетъ своихъ руководителей — классическія грамматики. «Вѣдаете, обращается Мелетій къ своимъ читателямъ, учителямъ школъ, або вѣмъ которыи стеса грецкои любѣ латинской грамматики хѣдѣзствѣ учили, што она есть кѣ понатѣю якъ языка чистѣости» и пр. Эти же руководители мелькаютъ и въ попыткѣ автора во всемъ уравнивать славянскій языкъ классическимъ, не исключая даже причастія *на-дѣм*, для чего онъ придумываетъ особое отглагольное прилагательное. Этимъ стремленіемъ и объясняется путанное изложеніе наклоненій и временъ, фиктивный схематизмъ славянскаго глагола, во всемъ воспроизводящій схему греческую, словомъ; то «копированіе», которое смущаетъ автора «Очерка» (19). И Мелетій былъ сынъ своего времени, какъ и его знаменитый грамматическій преемникъ, два столѣтія спустя. Но если «Правильное Синтагма», имѣя до себя лишь ученическіе опыты львовскихъ спудеевъ и Зизанія, въ теченіе двухъ столѣтій было единственнымъ руководствомъ въ школахъ православныхъ славянъ, алфой и омегой грамматическаго знанія, а громадныя и ученыя «*Institutiones*» не пережили даже своего автора, какъ ни малъ былъ промежутокъ между выходомъ ихъ и смертію послѣдняго, — то одно это обстоятельство достаточно ясно указываетъ, какъ своевременна и какъ велика была для своей эпохи грамматика скромнаго архимандрита, это дѣтище раннихъ славянскихъ студій у насъ. Кажется, мы нѣсколько всегда забываемъ Мелетія, его заслуги, въ виду его послѣдующей политической карьеры, не достаточно оцѣниваемъ то, что будущій уніатскій епископъ, и врагъ нашъ, оказалъ величайшую услугу намъ, православнымъ,

когда церковно-славянскій, забывавшійся было, языкъ поднялъ онъ на высоту систематизированнаго школьнаго предмета и сталъ законодателемъ нашего правописанія до-днесь, а тѣмъ и нашего литературнаго языка.

Главная задача Мелетія была педагогическая. Его трудъ имѣлъ дать нормы «правого и сочиннаго... и мовен'я и писан'я», научить «в'реченіихъ разознан'я розличности — языка чисте славенского», указать «зле положеное слово», быть съ совѣтомъ при переводахъ. Въ виду Уніи, общаго преслѣдованія Церкви, не удивительно, если «славенскій» языкъ былъ «занедбалый», по признанію самого Мелетія; культурные люди уже тянулись къ польскому языку. Надобно поднять его изъ «занедбалости», и, какъ показало будущее, Мелетій достигъ цѣли и далеко за предѣлы политическихъ границъ своей земли, и это поднятіе было тѣмъ необходимѣе, что не рѣдко врагъ хорошо зналъ и хорошо пользовался «занедбалымъ» языкомъ.

За два года до Мелетія, архимандритъ униатскій Левъ Кревза издалъ «*Obroneę jedności cerkiewnej*». Ловкій защитникъ Уніи, Кревза необыкновенно мастерски пользуется массою памятниковъ славянскоі литературной старины: прологами, минеями, сборниками, кормчими, лѣтописями, обнаруживая тѣмъ свою громадную начитанность въ церковно-славянскоі письменности, и въ то-же время заявляетъ, подобно Мелетію, свое горячее чувство къ самому славянскому языку. Онъ собирается издать свою «Оборону Уніи» и на русскомъ языкѣ и общаетъ тамъ славянскіе тексты приводить по славянски, затѣмъ, «*żeby prawdę miłującą czytelnik uważał nie tylko wykład, ale i poważność y rzetelność słowieńskich słow*», т. е. проникся бы уваженіемъ предъ величіемъ и ясностью славянскаго языка¹⁾.

Но отъ Мелетія обращаемся къ Мелетію у автора «Очерка».

Г. Житецкій, хотя и ставитъ въ началѣ труда прекрасное правило: «при оцѣнкѣ всякаго умственнаго движенія не нужно

¹⁾ «Историч. Библіотека», IV, стр. 163.

забывать хронологіи» (стр. 11), но первый и погрѣшаетъ противъ этой заповѣди, когда, спустя немного времени, ему пришлось говорить о Мелетіи: для характеристики научныхъ сторонъ труда его онъ сталъ на невозможную для изслѣдователя точку — прямо антиисторическую.

Болѣе чѣмъ естественно, что авторъ первой церковно-славянской грамматики училъ, на основаніи своихъ источниковъ, что «ю или ж, и или ѡ», что «ъ оубо дебелое, ѣ же тонкое окончаніе творять». Упомянуть ли, что именно тѣмъ же грамматическимъ положеніямъ училъ и два вѣка спустя Добровскій?... Но г. Житецкій крайне недоволенъ за это на Мелетія: «не имѣя надлежащаго понятія объ истинной природѣ глухихъ, онъ называетъ ихъ припряногласными... Точно такъ же ему неизвѣстно было и носовое произношеніе юсовъ» (19). Затѣмъ слѣдуетъ списокъ другихъ обвиненій, вертящихся все около одного пункта: въ неумѣннѣ отличить «русскаго» искаженія отъ настоящихъ чертъ церковно-славянскаго языка. Но — мы позволимъ себѣ стать на точку зрѣнія слависта начала XVII вѣка и защитить собрата противъ его аристарха.

Развѣ и въ современной наукѣ чуждо ученіе о приоритетѣ формъ *омз*, *емз*? Вспомнимъ хоть труды пок. Гейтлера.

Развѣ и старѣйшіе и чистѣйшіе памятники не знаютъ смѣшенія родительнаго и винительнаго, именно, въ именахъ одушевленныхъ?

Развѣ тѣ-же памятники не знаютъ смѣшенія флексій склоненій темъ *а* и *и* (*оу*)?

Но — главное: гдѣ же славистъ начала XVII столѣтія могъ найти средство, чтобы вѣрно орьентироваться въ распознаніи — чтò искажено русскимъ языкомъ, и чтò нѣтъ? Не говоря о томъ, что всѣ прегрѣшенія Мелетія повторены чрезъ двѣсти лѣтъ великимъ Добровскимъ, мы признаемся откровенно, что пришли въ полное недоумѣніе предъ приѣмомъ автора — опредѣлять научное значеніе труда XVII вѣка недочетами въ немъ тѣхъ выводовъ науки, къ которымъ она пришла лишь въ наши дни. ... Только

однимъ тяжелымъ недосмотромъ объясняемъ мы и заключительную тираду автора о стоимости Синтагмы: «очевидно, Смотрицкій далекъ былъ отъ *современныхъ* (еще бы!!!) намъ научныхъ стремлений (требований?) поставить изученіе церковно-славянскаго языка на *историческую почву*» (стр. 19). Конечно, человѣкъ начала XVII столѣтія далекъ отъ своего судьи — только на три столѣтія. Ну, въ этотъ срокъ мы научились и разубивать «искаженія». Тотъ же недосмотръ готовы мы видѣть и въ обвиненіи Мелетія, дважды предъявленномъ, стр. 20 и 22, что онъ «даже не *предчувствовалъ* значенія глагольныхъ темъ»...

Въ интересѣ точности, еще два-три слова относительно детального разсмотрѣнія знаменитой Синтагмы.

Если бы авторъ сличилъ изложеніе глагола въ Синтагмѣ и въ Грамматикѣ Еллино-Словенской спудеевъ (1/4 вѣка назадъ), то увидѣлъ бы, что Мелетій не игнорировалъ и спудеевъ, слѣдов. дѣйствовалъ съ ученымъ тактомъ. Онъ только упрощалъ ихъ терминологію. Такъ, тѣ-же шесть наклоненій и у спудеевъ, съ малою отмѣною въ названіяхъ: у Мелетія — *молителное, подчинителное, неопредѣленное*; у спудеевъ — *молитвенное, подчинное, необязное*. Тѣ-же шесть временъ и почти та-же терминологія¹⁾. — Вообще, какъ ни сложна глагольная партія Синтагмы — предъ авторомъ носились грамматики классическихъ языковъ, отсюда такая масса временъ на *хз*; но Мелетій, какъ умный писатель-стилистъ, самъ указывалъ на обветшалость подобныхъ глагольныхъ формъ и препоручалъ формы «руска языка» — на *лз*, для обихода.

Если Мелетій создавалъ «фиктивные» формы, то поступалъ какъ педагогъ. Вотъ въ латинской грамматикѣ «*verbum participiale in dum*» (его слова, очевидно, взятые изъ какого-то учебника): какъ литераторы имѣютъ ее передавать? И онъ указываетъ средство — присоблаяться: *legendum* — *читателно*. Такъ мы и сегодня присоблаемся въ терминологіи.

¹⁾ Экземпляръ, неполный, Львовской грамматики 1591 г. имѣется и въ нашей библиотекѣ.

Наконецъ, мы бы поколебались признать какое либо нормирующее значеніе въ языкѣ писателей XVII вѣка за сложной системой удареній, которая у автора имѣетъ титулъ: «фонетическая» (24), что-де подъ защитой ея не искажались народныя слова (26). Удареніе диктовала просто живая рѣчь; правильное помѣщеніе его мы видимъ и раньше. Самъ же стилистъ Мелетій часто ударялъ по польски (вѣдаёте): языкъ его мысли былъ, скорѣе всего, польскій.

7.

Какъ необходимое восполненіе школы и литературныхъ потребностей эпохи, вслѣдъ за славянской грамматикой явился и славянскій учебный словарь — Памвы Берынды, въ 1627 году.

Мы видѣли выше, какъ рано полонизмы входили, и должны были входить, въ письменный языкъ Юга: тутъ было вліяніе и высшей культуры, и государственнаго сожительства. Съ движеніемъ жизни они вторгались больше и больше и наконецъ усвоились на-столько, что затмили въ сознаніи различіе своего отъ не-своего. Такой противникъ польской Уніи, какъ Филипповичъ, выражался собственно по польски, только употреблялъ русскія буквы. Съ другой стороны, самъ славянскій языкъ, заключая въ себѣ массу терминовъ специальныхъ, всегда требовалъ извѣстнаго школьнаго изученія: понятно, если въ эпоху его «занедбалости» онъ былъ что темный лѣсъ. «Читать, а не розуметь — глупая речъ есть», говоритъ второй издатель словаря Берынды, Іоиль Труцевичъ. Но въ такомъ положеніи и находился «славянскій» читатель: ибо славянскій языкъ «трудность словъ и назвискъ, отъ иныхъ языковъ съ потребы взятыхъ, до вырозумѣнія темныхъ, не мало въ собѣ маеть», говоря языкомъ того-же издателя.

Устранить сколько нибудь эту трудность, выяснить иностранныя слова, «съ потребы взятыя», не исключая и полонизмы (массѣ народа они оставались чуждыми), задача эта разрѣшалась Словаремъ Берынды.

Старый типографщикъ-корректоръ, Берында не былъ ученымъ, и его тридцатилѣтній трудъ, употребленный имъ на Словарь, былъ ничто иное, какъ случайная, время отъ времени, отмѣтка для себя всякихъ неясныхъ словъ при печати, съ усиленнымъ ихъ протолкованіемъ. Таковъ былъ основной фондъ. Позже присоединенъ былъ обширный отдѣлъ полонизмовъ, которые онъ иногда объяснялъ полонизмами же, но, очевидно, популярными, чѣмъ и объясняется та «широкая терпимость», о которой говорить г. Житецкій, стр. 43.

Простой, нехитрый трудъ Берынды, не написанный *ad hoc*, какъ Синтагма Мелетія, былъ вполне своевременъ, былъ «барзо ужитечный», какъ выразился о немъ его второй издатель, упомянутый Труцевичъ: свидѣтельство этого — быстрый расходъ перваго изданія. «Который лексиконъ якъ есть потребный и пожитечный многимъ, с того зрозуметь латво, ижъ презъ той небарзо долгій часъ такъ оскудѣлъ, же о малъ где его видетъ барзо», говорить тотъ-же.

Самая система носить на себѣ слѣды случайнаго происхожденія. Слова по алфавиту, но это не исключаетъ простыхъ глосъ, въ любой формѣ (*достоитъ*, *ма.*). Богословскіе термины объясняются общедоступными синонимами, своими или польскими (*оздоба*, *цотливый*), иногда этимологія, иногда и цѣлая статья, какъ въ энциклопедіи, напр. при *дхъ*, *мысль*, иногда и невозможныя слова — досужаго вымысла (*брю*, *бриши*). Въ подкрѣпленіе себя Берында приводитъ цитаты то изъ Свящ. Писанія, то изъ отцевъ Церкви, то просто изъ старой славянской письменности. Такъ онъ цитуетъ даже Іоанна ексарха Болгарскаго (подъ «глипаніе»).

Такимъ образомъ, Словарь Берынды своимъ практическимъ характеромъ какъ нельзя болѣе отвѣчалъ тѣмъ задачамъ, которыя преслѣдовалъ знаменитый авторъ Синтагмы — поднять «за-недбалый» славянскій языкъ въ школѣ, освѣжить, оживить его и въ литературномъ употребленіи эпохи, и вообще помогать ориентироваться въ языкѣ всѣмъ.

8.

Понятно теперь, если люди новаго поколѣнія, пройдя школу, усвоивши грамматическія и стилистическія предписанія Смолетскаго, съ освѣженнымъ знаніемъ церковно-славянскаго языка, въ своихъ писаніяхъ могли свободнѣе располагать матеріаломъ языка, выбирать одинъ языкъ, когда приходилось серьезно говорить о серьезномъ предметѣ, другой, когда обращаться къ «простакови». Авторъ иронизируетъ надъ важною записью самого Могилы, на важномъ, славянскомъ языкѣ, о неудачной операціи какой-то повивальной бабки (стр. 38); но тотъ же образованный митрополитъ могъ говорить и по «простаки», когда бесѣдовалъ съ простякомъ Филипповичемъ: «добре бы тые гроши на церковъ тамтую обернути» и пр.¹⁾, совѣтовалъ онъ архимандриту. При этихъ новыхъ литературныхъ условіяхъ можно было уже писать не какъ попало, а съ наблюденіемъ *стиля*, давать отпоръ народной стихіи, когда это казалось нужнымъ, а не мѣшать всѣ элементы въ одинъ котелъ. Исторія *стиля* нашего литературнаго языка, какъ замѣчено было раньше, идетъ именно отъ Мелетія и его продолжателей. Безъ этихъ литературныхъ дѣятелей Юга, на Сѣверѣ въ литературный языкъ развилась бы своя мѣстная рѣчь, на Югѣ своя, образовались бы двѣ конкурирующія письменности, можетъ быть, и интересныя для филолога и его соображеній, но не для сложныхъ отношеній, политикою именуемыхъ. Мы знаемъ, что такое отдѣльныя славянскія литературы... Авторъ утверждаетъ, что «большую частью ученость писателя обратно пропорціональна народности его рѣчи», хотя и оговаривается, что многое зависѣло отъ предмета рѣчи (53). Мы же полагали бы, что въ оговоркѣ — правило: предметъ или цѣль опредѣляла языкъ, а потому стиль, у умнаго писателя. Педанты въ расчетъ идти не могутъ.

Такимъ образомъ, *материально* ничего новаго не вносили въ дѣло развитія письменнаго языка южно-русскіе писатели XVII столѣтія: этнические элементы языка ихъ были тѣ-же, что и рань-

¹⁾ «Діаріушъ», «Русская Истор. Библіотека», IV, 52.

шіе — славянскій и русскій. Но они привели оба эти элемента въ извѣстное литературное соглашеніе. Перенявъ литературное наслѣдство старины, они провели его своимъ писательствомъ далѣе, чтобы передать его своимъ преемникамъ. Вирши трубогласнаго Барановича только продолжали вирши Статута Литовскаго, Зизанія, или справщиковъ Острожской Библии, почему-то авторомъ произведенныхъ неосмотрительно, и дважды, въ рангъ «переводчиковъ». Съ другой стороны, тѣ-же вирши продолжаютъ въ XVIII-ое столѣтіе, особенно урожайное на нихъ, Кантемиромъ, Тредьяковскимъ и другими. Даже у Пушкина, въ его политической официальной музѣ, есть цѣлыя строфы, живо переносящія насъ въ вѣкъ Черниговскаго витія. То-же относится и къ прозѣ.

Такъ мы понимаемъ литературную исторію малорусскаго нарѣчія, употребленіе его въ письменныхъ памятникахъ нашей старины. Но иначе понимаетъ тотъ-же вопросъ авторъ «литературной исторіи малорусскаго нарѣчія».

9.

Для г. Житецкаго, письменное употребленіе малорусскаго нарѣчія начинается не то съ XVI-го (вторая половина), не то съ XVII столѣтія: съ XVI-го, если принять за эру т. наз. Пересопницкое евангеліе саноцкаго любителя, съ XVII-го, если принять за исходную точку языкъ изученныхъ авторомъ писателей, продолжателей-де новообъявившагося направленія въ XVI столѣтіи, учинившихъ предварительно негласный компромиссъ между ветхимъ обычаемъ — «славянскимъ языкомъ» и народною «мовою». Первопричина же введенія народнаго языка въ книгу — дѣйствіе протестантства на Литвѣ, открывшаго всюду литературное броженіе. Новыя идеи «коснулись и Южной Руси и вызвали здѣсь вниманіе книжныхъ людей къ народному языку, которое выразилось въ цѣломъ рядѣ (!!) переводовъ (!) Евангелія и другихъ священныхъ книгъ» на — «мову рускую» (1—2).

Изъ этого «ряда» автору близко извѣстны Пересопницкое

евангеліе, евангеліе Хорошевскаго 1681 года (слѣд. на разстояніи $1\frac{1}{2}$ столѣтія отъ времени реформаціи), да двѣ рукописи, по ученымъ отзывамъ (Горскаго и Викторова), Пѣсня пѣсней и Псалтырь — проблемматически конца XVI вѣка. Сверхъ того, учительныя евангелія, образцы которыхъ мы имѣли въ рукописи Пражскаго Музея, авторомъ понимаются также, какъ произведенія, вызванныя тѣмъ-же реформаціоннымъ духомъ.

Но «новое» направленіе не выдержало себя, и при счетахъ съ условіями дѣйствительности, которая давно знала книжную, славянскую рѣчь, вынуждено было пойти на уступку. «Новые» писатели «спѣшили организовать литературную рѣчь», путемъ компромиса «создать нѣчто среднее между рѣчью славянскою и народною» (стр. 6), и этимъ «среднимъ» и былъ языкъ писателей XVII вѣка, воспитавшихся на Мелетіи, на его славянскомъ языкѣ «сближенномъ съ русскимъ» (26), «старавшихся усвоить этотъ языкъ» (26). Конечно, нѣсколько странно, что это «среднее» оказалось такъ сродно Синтагмѣ, не имѣвшей никакого дѣла съ протестантствомъ. Но еще страннѣе, что то-же «среднее» нашло даже своего лексикографа и уже въ эпоху Мелетія. Этотъ лексикографъ — нашъ скромный Берында, старый львовскій типографщикъ, къ тому же румынъ родомъ, словарь котораго, въ глазахъ автора «Очерка», есть «сводъ матеріаловъ этой рѣчи» — т. е. результатъ языка соглашенія между «новыми» и старыми. Берындою и открывается собственно изслѣдованіе.

Безспорно, освѣщеніе эпохи и ея литературныхъ произведеній новое, оригинальное. Но теорія компромиса, хотя и обнаруживаетъ въ ея авторѣ большую долю искусства въ субъективныхъ построеніяхъ, нуждается въ болѣе солидныхъ устояхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ она зиждется.

На чемъ же покоится все зданіе старательно выведенной системы?

Вся смѣлая система новой «литературной исторіи малорускаго нарѣчія» построена на чисто случайномъ совпаденіи труда досужаго саноцкаго любителя народнаго языка, т. е. Пересоп-

ническаго евангелія, и вѣка реформаціи, хвостомъ своимъ дѣйствительно немного задѣвшей и географическую Литву (пропаганда Радивиловъ). Между обоими совсѣмъ разнородными явленіями авторъ усматриваетъ непосредственную, причинную связь.

Въ началѣ настоящихъ замѣтокъ мы говорили о литературномъ значеніи реформаціи въ этнографической Литвѣ. Здѣсь, въ той средѣ, гдѣ дотолѣ ни одинъ звукъ народнаго языка не возвышался до книги, реформація произвела дѣйствительно реформу, литературную революцію: явилась новая, небывалая литовская письменность, пожалуй, литература, но всегда съ сохраненіемъ характера своего происхожденія и для цѣлей пропаганды «новыхъ идей».

Какой же протестантскій прозелитизмъ имѣется въ немногихъ памятникахъ «мовъ»?.. Ровно никакого. Ни слѣда какихъ либо катехизисовъ на Югѣ, и увертюра мнимой исторіи «мовъ» открывается совсѣмъ православнымъ памятникомъ и на такомъ книжномъ языкѣ, который давно сформировался на мѣстѣ — напр. онъ въ пражской рукописи Шафарика — и изъ той же мѣстности. А между тѣмъ извѣстно каждому, кто занимался исторіей эпохи, XVI вѣкомъ, какой фанатизмъ и прозелитизмъ отличалъ исповѣдниковъ реформаціи, своими пуританскими дрязгами сгубившихъ свое дѣло — напр. въ Чехіи...

Но отъ характера содержанія памятниковъ «мовъ» перейдемъ къ самой «мовѣ»: можетъ быть, въ ней найдется что-либо «реформаціонное»?

Изъ указанныхъ на первомъ мѣстѣ двухъ памятниковъ одинъ, Пересопницкое евангеліе, оказывается, имѣть право на значеніе памятника малорусскаго нарѣчія на-столько, на-сколько его языкъ, старая литературная славянская рѣчь, отвѣчаетъ «духу народной фонетики и фразеологіи», не болѣе; другой же, Хорошевское евангеліе, самъ авторъ извергаетъ изъ сонма вѣрныхъ, такъ какъ «въ немъ польскій текстъ почти дословно переданъ русскими буквами» (2). Очевидно, это произведеніе жалкая проба пера убогаго любителя писанія, не стоящая даже упоминанія на страницахъ серьезной исторіи.

Но съ точки опредѣленія языка Пересопницкаго евангелія самимъ авторомъ что же *новое* представляетъ оно? Развѣ это такъ-таки первый памятникъ Юга «въ духѣ народной фонетики и фразеологій»? Развѣ не того-же «духа» не только рукопись Пражскаго Музея, но и Каменецкій Прологъ Березки Поповича 1488 года? Трудно потому отъ Пересопницкаго евангелія вести начало того явленія, которое авторъ формулируетъ такъ: «народная рѣчь была допущена въ священныя книги» (2). Мы видѣли выше, что народная рѣчь давно-давно, но изпод-доволь, проторила себѣ дорогу и въ священныя, и въ несвященныя книги, а къ началу XVII столѣтія является въ позиціи господина литературнаго террена.

Но авторъ, въ утвержденіе своей теоріи о вызовѣ реформаціей народной рѣчи въ книгу, ссылается еще на малообслѣдованные памятники, на Пѣснь Пѣсней и Псалтырь въ «малорусскомъ переводѣ»: одинъ-де XVI вѣка, другой «конца XVI или начала XVII вѣка», по опредѣленію автора.

Самыхъ рукописей авторъ не изслѣдовалъ, поэтому мы лично можемъ нѣсколько помочь ему. Мы познакомились съ малорусскимъ «переводомъ» Псалтыри, въ послѣднюю нашу бытность въ Москвѣ, познакомились, чтобы еще разъ утвердиться въ мнѣніи о субъективности теоріи автора, теоріи «сознательнаго» якобы литературнаго употребленія малорусскаго нарѣчія въ цѣляхъ какихъ-то особенныхъ. Предъ нами былъ просто оригинальный трудъ, любопытное литературное произведеніе, но стилемъ своимъ прямо продолжающее языкъ Статута Литовскаго и аналогичскихъ памятниковъ, даже съ «русскимъ» предлогомъ «подлугъ», возбуждающимъ справедливую улыбку автора, и, можетъ быть, не отъ того времени, къ какому относить его авторъ, видоизмѣнивъ здѣсь мнѣніе своего руководителя, пок. Викторова. Близость къ Статуту! А между тѣмъ г. Житецкій такъ тщательно оберегаетъ себя отъ прикосновенія къ языку его, отъ его «бѣлорусскихъ» *н* = *е* мягкому, и *е* *вм.* *я* (*я*), какъ нѣкогда іудей отъ самарянина и — съ тѣмъ же правомъ.

10.

Рукопись, полученная музеемъ въ 1868 году въ даръ отъ А. В. Богдановича, вкратцѣ описана покойнымъ Викторovýmъ въ «Отчетѣ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1867—69 годы», стр. 47. Изъ этого отзыва и черпаетъ авторъ «Очерка» свои свѣдѣнія.

Викторовъ говорилъ: «...Рукопись, писанная малороссійскою скорописью *половины XVII в.*, въ 8. Помѣщенный въ ней переводъ Псалтыри отъ извѣстнаго польско-русскаго перевода той же книги (Рум. рук. № 335) совершенно отличенъ, и въ нашей ученой литературѣ, равно какъ и въ библиографіи, вовсе неизвѣстенъ. По изслѣдованіи, названная рукопись, безъ сомнѣнія, займетъ видное мѣсто въ кругу немногихъ (!) сохранившихся памятниковъ малороссійскаго нарѣчія XVI—XVII в.»¹⁾

Скорѣй въ 16, чѣмъ въ 8, на толстой сѣрой бумагѣ вѣка XVII, въ позднѣйшемъ переплетѣ, 165 листовъ, безъ начала и конца, скорописью *половины или второй половины XVII столѣтія*, разныхъ рукъ. На внутреннемъ листкѣ переплета изъ синей бумаги имѣется запись конца XVIII вѣка: «Древняя рукописная псалтырь. Принадлежащая къ библіотекѣ Андреяна Чепы. Приобщенная къ оной въ 1785-мъ году».

За принадлежность ко второй половинѣ XVII столѣтія могутъ говорить слѣдующія обстоятельства:

1) Въ согласіе съ требованіями Мелетія буква *ω* въ предлогѣ *о, обѣ* («*ω* направе»), знакъ ' равенъ *й* или вообще смягченіе; слово *Богъ* всегда съ прописной буквы.

2) Оригинальныя фигуры буквъ: *ѣ, ѓ, у*, какъ въ московской канцелярской скорописи XVII—XVIII вѣковъ. Укажемъ на реляціи Неплюева, отпуски, проекты гр. Остерманна въ

¹⁾ Послѣ точнаго опредѣленія времени — *половина XVII в.* — указаніе «XVI—XVII вѣка» относится не къ данной рукописи, а къ цѣлой коллекціи однородныхъ памятниковъ. Г. Житецкій продвинулъ рукопись нѣсколько назадъ не въ виду ли этого указанія?

Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Помимо этого, къ XVI или началу XVII вѣка переводъ не можетъ быть отнесенъ по своему составу. Какъ указано было Викторovýmъ, впереди даннаго псалма идетъ его изложеніе, переведенное съ латинскаго (вульгаты). Въ концѣ же XVI столѣтія только возникали школы съ латинскимъ языкомъ. Слѣдовательно по составу время перевода, — половина XVII вѣка или позже. Въ самыхъ буквахъ есть латинскіе слѣды, именно прописныя латинскія буквы N, Z. Появленіе же Псалтыри въ переложеніи на болѣе или менѣе народный языкъ югозапада (не юга, о чемъ ниже) можетъ быть объяснено и подражаніемъ недавнему польскому переводу Кохановскаго, который, какъ извѣстно, имѣлъ соблазняющее дѣйствіе даже въ самой Москвѣ XVII столѣтія.

Такъ какъ нашъ памятникъ малоизвѣстенъ, то не будетъ излишнимъ привести предварительно нѣсколько листовъ изъ него, изъ его главнаго почерка.

Листъ 32 а.

Щаѡ дѣѡ н.

Моли твоѡ дѣѡ чини за не
зачиные грѣхи свои ѡ ко
ториѣ вѣѡ сповѣдѣтсѡ
Бгѡ. Z великою надѣєю
проси ѡставленни грѣхѡ.
Потѡ проси ави ему мѡ
дрѡти неѡималъ преѡ ко
торѡ людеѡ дорогъ вжиѡ
ѡчилъ. Проси ави его ѡчи
ни волни ѡ запалчивѡти
для выслушани мѡтвы его
въ сѣѡ скрѡшонѡи и дхѡ по
кѡномъ. ѡ направѣ цѣ
кви правдикого еѡлама

- которіи есть цѣнокъю кото
рне ѡфѣри ему сѹ вѣдичны.
- б. Змили'ся надѣбною Бже по
длугъ великою милосѣдіа
твоею, а подлугъ многи^х
цѣдрѣ твоихъ ѡчисти
неправѣти мои. ѡмы же
мѧ што на колѣшѣ ѡ злѣти.
мои, и ѡ грѣха моего ѡчи
сти мене. Бо я знаю не
правѣти мои и грѣхъ мо
передѣбною е^{ст}ъ всегда.
тобѣ если ѡдному согрѣ
ши и допусти сѧ если
злѣти перѣ тобою. Ты
бо естѣ справедливъ в по
весте^х твоихъ, и перепрешъ
если бы есъ судити хотѣ^а.
што если зачѣ в злѣти
и е грѣ

(На слѣд. листѣ, 33 а, идетъ продолженіе псалма 55: «воюющіи^х.
На то' часъ коли....». Продолженіе же псалма 50 слѣдуетъ на
листѣ 40 а, б, и окончаніе опять возвращается на листъ 34 а.
Очевидно, при переплетѣ листы были перепутаны).

Листъ 40 а.

и в грѣхо^х родила мѧ мѧка
моѧ. што правдѣ ѡми
ловѣ, и невыповѣдѣны
таѣнищи мѣдрѣти твои
ѡзнѣмилъ ми еси. Покро
пишъ мѧ испѣ а вѣдѣ
ѡцищонъ. ѡмыѣ мѧ,
а вѣдѣ нѧ снѣгъ вывелѣ

ѡЗНА́МИ ми радо^{ст} и весе
 лие и ѡтѣшася ко́ти мои
 пони́жонныя. ѡбѣни лице
 твоѣ ѡ грѣхѣ мои́хъ, а згла́
 всѣхъ неправѣти мои́хъ. се́
 це чѣто сотвори во мнѣ
 Бже и дѣла правого ѡбнови
 во вѣстности́ мои́хъ. Не
 ѡкинь мене ѡ лица твоего
 б. и дѣла твоего сѣго не ѡтѣ
 му́ ѡ мене.. Приверни́ ми
 радо^{ст} зва́неніа твоего, а дѣ
 хѣ можнѣти твоѣи подо
 при мене. Набчу́ безакѣ
 ны́хъ доро́га твоѣя, а незбо́ни
 до тебе си наверну́. ѡчи
 ни мене волю́ ѡ крови ѡ
 Бже Бже зва́неніа моего, а
 языкъ мо́й з радо^{ст}ю бу́де
 высла́вкѣй справѣливо^{ст}
 твою. Гдѣ ѡкори ѡсты
 мои, а ѡста мѣи бу́дутъ
 ѡповѣда́ хвалу́ твою.
 Бо коли вы еси хотѣ́ѣ ѡфѣ
 далъ бы́теды, але си
 не кохлешъ в палены́хъ офѣ

Листъ 34 а.

рахъ. ѡфѣра Бгу вѣйна
 е^{ст} дѣхъ скръшоны́, се́ца со
 крѣшного и ѡнижонного Бже
 не гордѣ. ѡчини добре Гдѣ
 синовни в добро́ воли твоѣ
 абы си повѣдовали мѣри
 ерѣсали́скіе. на то́ часъ при

мешъ вѣдично ѡфѣри спра
вѣливѣти паленые и цѣлые.
тогда накладеѣ на шата
тебѣ телцѣ. Шалаѣ дедеѣ на.

Припомнимъ славянскій текстъ покаяннаго псалма, мы сейчасъ увидимъ, что онъ-то и лежитъ въ основѣ перевода, точнѣе переложенія. Тамъ: *яко аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ оубо; здѣсь: бо коли бы еси хотѣлъ ѡфер далъ быхъ тебѣ и пр.*

Далѣе, одно бѣглое чтеніе для нѣсколько опытнаго читателя, который припомнитъ черты «въ духѣ народной фонетики» южно-русскихъ памятниковъ XV—XVI столѣтій, у насъ выше осмотрѣнныхъ, достаточно, чтобы не ходить ему въ лѣсу и сейчасъ же найтись въ вопросѣ, что за языкъ Псалтыри Румянцовскаго музея, въ какую сторону склоняются его симпатіи? Онѣ идутъ, увы! въ сторону, не симпатичную для г. Житецкаго — западную, съ колоритною окраскою такихъ памятниковъ, какъ Статутъ Литовскій, т. е. съ колоритнымъ *ъ* — *е*. Такимъ образомъ, Псалтырь половины XVII в. въ языкѣ своемъ не разрываетъ органической связи съ литературной стариной, прямо продолжаетъ литературный стиль того характера, которымъ отмѣчены памятники конца XVI вѣка, продолжаетъ въ эпоху уже новѣйшую, среди новыхъ литературныхъ условій для языка, созданныхъ Мелетіемъ и его продолжателями. Болѣе чѣмъ шаткій устой это для теоріи автора «Очерка»: Псалтырь нашъ прямо противъ него.

Обращаемся къ характеристикѣ языка.

ъ выражаетъ мягкое *е*: *ѡфѣри* = *ѡфер*, *ѡ* *направе*, в *инѣе*, *выбелен*, на *бѣбне*; изрѣдка *ъ* = *і*: *ионѣте*, *зачиѣтет*, *зачиѣте* пѣ^ѣню (75 а.), *затрѣбѣте* (75 а.).

о обыкновенно безъ измѣненія: *потомз*, *болше*^е, *ѡт*, *покорномз*. *о* = *і*: в *серцѣ* *скрѣшонѣ* (если не полонизмъ, ибо сейчасъ далѣе — «покорномз»).

Изрѣдка у *вм*. *о*: *мѣи*. «рѣгатины и стрѣлы» (41 б.). Ср. въ грамотѣ Стефана Великаго 1471 г.: *такѣпана*, т. е. укопано.

и вообще на мѣстѣ; но: *которы́, обфпри* и др.

Мѣстн. мн. -*охъ: в грѣхох* 40 а.

Неопр. накл. то *ти*, то *тъ: хвалити*, но: *будетъ выславлятъ, шповѣдат*. Тоже въ Статутѣ Литовскомъ.

Условное составлено по тому же искусственному типу, какъ въ памятникахъ XV, XVI в.: *если бы есъ*.

Много книжныхъ элементовъ, особенно въ правописаніи, какъ и въ памятникахъ XVI вѣка: дат. мн. -*омъ*, твор. -*и (и): з во'ски нашими* 46 б; *Удалъ хрѣщом* 68 а; вспомог. глаголѣ: *есми, естъ, суть*; 3 л. на -*тъ: будетъ, утѣшатсѣ*; слова: *каждый, ма*.

Полонизмы. Въ правописаніи: *и послѣ ѹ: ѡвоѹы*; въ формахъ: *естесь*; въ словахъ: *подлугъ, теды, потлумилъ, слонце, оборонца* (съ приспособленіемъ къ русскому языку), *дѣдиштво*; въ оборотахъ: *ты естѣ Бюм моим* (33 б).

Особенно колоритная черта языка, это—свободное употребленіе *причастій* народнаго русскаго образованія, точь въ точь какъ въ Статутѣ Литовскомъ: *воюющихъ* 33 а. въ свѣтлости *жмѣщихъ* 33 б. *голосъ закликающаго* або чернокнижника 43 а. Благодаря Мелетію и его школѣ писателей, эти народныя формы смѣнились искусственными церковнославянскими, которыя мы употребляемъ и сегодня.

Такимъ образомъ, по нашему крайнему убѣжденію, г. Житецкій строилъ свою теорію о связи начала литературной исторіи малорусскаго нарѣчія съ «идеями реформаціи» на чисто субъективномъ пониманіи эпохи, на искусственномъ освѣщеніи литературныхъ фактовъ родной старины. Памятники якобы «сознательнаго употребленія малорусскаго нарѣчія», въ которыхъ авторъ ищетъ опоры для себя, говорятъ противъ, будучи въ языкѣ своемъ тѣсно связаны съ литературной стариной, никакого касательства съ «идеями реформаціи» не имѣющей.

Южнорусскія произведенія XVII столѣтія школы Мелетія не вырываются изъ общей картины долгой литературной жизни

малорусскаго нарѣчія; но, внесе стиль, съ опредѣленіемъ границъ славянскаго и рѣднаго элементовъ (*прибрежіе*, но *берегъ*), они составляютъ замѣчательный этапъ или моментъ въ исторіи сложнаго вопроса выработки нашего современнаго литературнаго языка.

Мы окончили съ литературной исторіософіей автора «Очерка», съ его общимъ введеніемъ, и переходимъ къ лингвистической части труда, основной части изслѣдованія, разбору анализа стиля, держась трехсоставнаго порядка изложенія самого автора.

11.

При встрѣчѣ двухъ простыхъ русскихъ людей сѣвера и юга, одна черта въ языкѣ одного и другаго возбуждаетъ взаимную улыбку: это мягкое *е*, напр. въ выраженіи «не несу», сѣверянина и твердое *е*, почти *э*, въ устахъ его южнаго собесѣдника. Пользуясь польскою графикой, мы одно произношеніе передали бы такъ: «*nie piesu*», другое — «*ne pesu*».

Улыбка, вызываемая произношеніемъ гласнаго *е* на лицѣ одного и другаго, отмѣчаетъ въ сознаніи простаго человѣка одну изъ самыхъ колоритныхъ чертъ различія обоихъ русскихъ нарѣчій, рѣзкую разницу въ живой рѣчи сѣвера и юга, знакъ, что эта черта живетъ отъ давняго времени. Но какъ давно эта отмѣтка?

Вопросъ интересный, а для г. Житецкаго въ особенности. Ибо имъ опредѣляется, почему южные писатели знали одно *е*, справедливо уравнивая его церк.-славянскому *ѣ*, почему учитель ихъ, Мелетій, закрѣпилъ правило: что *ѣ* (= великорусскому *е*) «нынѣшними писцы оставися», какъ ото осталось за барьеромъ и въ современномъ нашемъ правописаніи.

Намъ думается, что эта черта различія, это кардинальное несходство живой русской рѣчи сѣвера и юга, идетъ дѣйствительно съ-издавна, на примѣръ, отъ первыхъ памятниковъ русской письменности. Но авторъ не далъ себѣ труда заново обстоятельно рассмотреть этотъ живой вопросъ и, сдѣлавши не совсѣмъ лов-

кое опредѣленіе великорус. *е*, приписавъ ему силу «смягченія предшествующаго согласнаго», вмѣсто того чтобы видѣть на немъ самомъ смягчающее дѣйствіе согласнаго на-лѣво, ограничивается совсѣмъ недостаточною ссылкой, тогда какъ здѣсь вполне былъ бы кстати любимый пріемъ—экскурсія въ сторону. Позволяемъ себѣ привести нѣсколько данныхъ для соображенія.

Остромирово евангеліе. Функція кавыки, глядящей влѣво, полукружка вверхъ, точки или запятой въ памятникѣ ясна: эти надстрочные знаки были дополнительнымъ шрифтомъ для Григорія при обозначеніи мягкаго выговора: *нѣмъ, воле* и пр. Тоже явленіе и въ одновременныхъ памятникахъ, напр. въ Изборникѣ 1073 года. *ниго=нѣго=него*. Въ соображеніе этого пріема мы правописаніе Григорія погыбнѣть 8. б (при погыбнѣть 12 б. того же евангельскаго текста) должны прочесть: погыбнѣтъ, т. е. здѣсь модальное *ѣ* съ значеніемъ *је*, какъ въ нынѣшнемъ великорусскомъ.

Также ясно отмѣчено мѣстное *је* въ отрицаніи *не: нѣже* 43 б.

Не обозначено, но написанное *ѣ* въ произношеніи Григорія звучало *је*: *исаѣнѣтъ* 144 а. Ибо, если полукругъ означаетъ здѣсь мягкость *к*, то это возможно при послѣдующемъ небномъ *н*, слѣдов. *ѣ=је*. Если, затѣмъ, принять во вниманіе случаи, гдѣ *ѣ* стоитъ вмѣсто необходимаго *к* или *ѣ*, а оно здѣсь выдаетъ выговоръ писца: *разоумѣете* 277 б. въ *ерданѣ* 259 б.;

въ *нкмъ несть* 26 б. *самарѣнѣхъ. предана* 263 а;

то мы можемъ констатировать, что современное великорусское *ѣ* достаточно представлено на страницахъ рукописи Григорія. Вѣроятно, Григорій большею частью читалъ свое *ѣ* какъ *је*, но не отмѣчалъ, какъ поступаемъ и мы.

Слова Григорія Двоеслова (примѣры изъ изслѣдованія памятника проф. Будиловича):

ѣ вм. *ѣ(ѣ): вѣликѣихъ. нашѣмъ. оутвержденѣмъ. огражденѣмъ;*

ѣ вм. *ѣ: аныгѣльскыѣ. дѣнь. лѣгальница.*

нѣльзѣ. рѣкѣ

Новгородская Миня 1095 г. (по академическому изданію):

к вм. е: камиѣни 21. вєсклиса 70. приложєніє
92. вѣконкєскоу сънаѣ 178; ср. вѣ-
словєсьнѣ 18.

є вм. к: нємѣ (часто). казнѣмѣ 120.

ѣ вм. е: с нєсѣ 20. истєѣѣ 89. пѣрьѣѣнѣѣ
103, 158. нѣтълѣѣнѣѣѣ 136. нѣ
пѣсъка 217.

є вм. ѣ: кѣ тебѣ 95.

Такимъ образомъ, существованіе современнаго великорусскаго произношенія *е* датируется XI столѣтіемъ. Но въ памятникахъ юга число примѣровъ *е* = *je* меньше.

Въ приводимыхъ примѣрахъ у автора мы должны сдѣлать сокращеніе. Ибо, какъ-то слово иностранное; *скѣмѣ*, вѣскоу нерѣшающаго характера, такъ какъ темы *ja*, отчего даже въ чешскомъ языкѣ и сегодня живетъ память объ этомъ въ мѣнѣ *š* на *ž* (*všeho*). У малорусовъ и сегодня: *вєсь* — *уся*. Остается одинокій примѣръ Изборника 1073 года: *оумножиткѣ и тебѣ* изъ XIV вѣка. Эту скудость мы нѣсколько восполняемъ изъ своихъ матеріаловъ:

Изборникъ 1073 года (первые листы):

нѣ дѣрзѣ 10 б. нѣльзѣ 14 б.

Изборникъ 1076 года:

кѣ темѣ 27. лечєѣ 105;

лѣжюште 438. заповѣдѣмѣ гнамѣ 345.

Галицкіе листки и отрывки (см. въ началѣ у насъ):

єоуангѣлєѣ, нѣвѣздер... («Отчетъ», I, стр. 4); нѣчь-
стнєомѣ (т. же, 7); нѣимѣнѣѣѣ (дважды); нѣзриши
(т. же, 9, 10).

Пандекты 1307 г.

к вм. е: оустанкѣ 72 а.

ѣ вм. е: нашьѣ лаврѣ 3 а. вѣльми 4 а.

на сѣмѣ свѣтѣ 41 б. (если ѣ не ѣ). повєшѣнѣ 50 а.

кѣрѣмовъ 159 а. (ср. кѣрѣмови т. же). гѣконоу
 168 б. скерѣхъ 197 б. (ср. скорѣхъ 204 б).
 е вм. ѣ: телесомъ 3 б. повешѣнъ 50 а. ксте и
 пыкте 82 а.

Пандекты — памятникъ Галицкой Руси и своими частыми примѣрами выговора *е* какъ *је* вполне гармонируютъ съ своими предшественниками. Эта группа памятниковъ своимъ «великорусскимъ» *е* удивлять насъ не можетъ; напротивъ, эта черта въ нихъ законна, такъ какъ именно изъ области распространенія малорусскаго племени въ одной Галиціи и сегодня *е* произносится мягко (выражаясь обычной терминологіей), по сѣверному, въ извѣстныхъ говорахъ, т. е. сохраняется глубочайшая старина, столь прекрасно иллюстрируемая литовскимъ языкомъ.

Если же принять въ вниманіе, что исконное великорусское *е* встрѣчаетъ въ то же время горячую симпатію къ себѣ въ языкахъ польскомъ, сербо-лужицкихъ и въ исчезнувшихъ нарѣчіяхъ полабо-балтійскихъ, при чемъ всѣ эти языки расположены въ одной сѣверной широтѣ и образуютъ одну непрерывающуюся географическую цѣпь, аналогическое-же малорусское *е* находитъ не менѣе сильную поддержку со стороны еще болѣе крупной фаланги языковъ: южно-славянскихъ, чешскаго и церковно-славянскаго, расположенныхъ также въ географическомъ общеніи и представляющихъ вторую, болѣе крупную, сплошную цѣпь: то дозвоительно предположить, что малорусское нарѣчіе и въ эпоху первой письменности уже рѣзко отличалось отъ своего сѣвернаго собрата потерей мягкаго *е*; лишь слабыми отзвуками переживалась въ немъ бывшая старина, помимо горныхъ говоровъ Галиціи, къ которымъ примыкаетъ ближайшее географически словацкое нарѣчіе, дивергентное въ своей чешской семьѣ именно по этому вопросу.

Можетъ быть, различная судьба *е* въ цѣпи сѣверной и южной имѣетъ значеніе для вопроса о доисторическомъ распространеніи славянъ въ Европѣ.

Въ виду сказаннаго мы полагаемъ, что мягкій выговоръ согласныхъ, столь развитый на сѣверѣ, былъ уже давно на югѣ сильно сѣуженъ, но еще болѣе сѣузился «по мѣрѣ смѣшенія основнаго и съ основнымъ ѡ» (58). Возвратъ-же къ старинѣ начался съ объявленія мѣны *о, е* въ *і* долгое, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ. Но мы не можемъ согласиться, что твердость *гортанныхъ* «составляетъ господствующую черту малорусскаго нарѣчія». Мягкость гортанныхъ не исключена исконною «переходностью», удержавшеюся во флексіяхъ (*мачоси*): она и сегодня, какъ въ старину, а по автору, гортанныя не соединяются съ мягкими гласными (59). Развѣ *к* не звучитъ мягко въ «миленькій» (*Желота*, Пѣсни, II, 43 и др.)? Но еще любопытнѣе «непереходность» гортанныхъ въ памятникахъ старины:

Изборн. 1073, въ иностран. словахъ: *лоукинъ ѿпископъ лаодикии* 263 а.

Изборн. 1076: *вѣки* 37. 123. *въ боури ли морьскѣи* 27. *въ доверотѣ во женьскѣи* 349.

Житіе Феодосія: чѣръньчскѣмъ житиѣ 16, 8.

Пандекты 1307: *паки* 21 б. 251 б. *въ кихъ любо* 76 а. *нѣкимъ оученикомъ* 151 а. *мирьскѣи* (им. ед.) 227 а.

книги 72 а. *книги* 263 а.

многи во погоуѣи 86 а. *небрегии* 94 б.

въ хижѣи затворьсѣи 195 а.

Иностранныя слова: *пистаккокѣненъ* 114 а. *гѣконоу* 168 б.

Въ памятникахъ Сѣвера, чрезвычайно чуткаго къ мягкости согласныхъ, «описокъ» больше. Онѣ отмѣчены у специальныхъ изслѣдователей. Отмѣтимъ только совсѣмъ ирраціональные примѣры Остромирова евангелія: *ноглама* 154 б. и *авѣрка* 232 б.

Если же одновременно съ этими свидѣтелями мягкости гортанныхъ памятники, какъ Сѣвера, такъ и Юга, представляютъ вообще систему *несоединенія* гортанныхъ съ мягкими (*Кыкеѣъ, хыжа*), то мы затрудняемся видѣть здѣсь указатель языка; здѣсь просто утвердившійся въ книжномъ употребленіи ригоризмъ чужой школы старославянскихъ оригиналовъ.

Что же касается «переходности» гортанныхъ въ склоненіи, то замѣтимъ, что это явленіе рѣшающаго значенія въ общемъ вопросѣ имѣть не можетъ: ибо его знаетъ какъ отвергшій мягкость гортанныхъ языкъ чешскій (*noze*), такъ и свято соблюдавшій старину — польскій (*podze*).

Но, понятно, южные писатели XVII вѣка охотно должны были удерживать церковно-слав. формы типа *книзь*, такъ какъ тутъ поддержка была въ родномъ языкѣ, помимо всякой грамматики. Еще сильнѣе этотъ архаизмъ въ Статутѣ Литовскомъ, въ его 8 *дорозе*, *слѣзъ*, *дочце*.

Какъ третью звуковую черту, общую у малорусскаго нарѣчія съ церковно-слав. языкомъ, авторъ видитъ въ возраженіи малорусскаго нарѣчія противъ фізіологическаго закона мѣны неприкрытыхъ согласныхъ: *скарб*, а не *скарп* и пр.

Но дѣйствительно ли здѣсь пропасть между Югомъ и Сѣвромъ, какъ этого требуетъ авторъ (60)?

Мы сомнѣваемся въ ея существованіи и не сомнѣваемся, что чуткое ухо малорусскаго Караджича (если бы онъ былъ) не услышало бы ни *гребти*, ни *дід*, а было бы записано: *требти*, *дѣт*. Общій законъ не можетъ сдѣлать исключенія для Юга. Конечно, мнѣ могутъ указать на французскій языкъ, на его *cade*, *éponge*: но только долгая школа, т. е. путемъ искусственнымъ, могла приучить языкъ нарушать общій законъ и выговору придать напряженный характеръ. Но и нѣмое *e* не безъ поддержки, при пѣніи.

Въ самыхъ памятникахъ старины находится нѣкоторое подтвержденіе нашей мысли о сомнительности исключительнаго положенія малорусскаго нарѣчія среди всѣхъ братьевъ, — чего «ни въ одномъ славянскомъ нарѣчій» (60), то у насъ...

Изборн. 1076: ни черсъ д̑ дни постиса ни черсъ... ѿ... ни черсъ д̑нь 473.

Пандекты 1307: то-же слово — чрѣсъ волю 23 а. Далѣе оусхотѣвати 9 а. ницрѣва 12 а. исьтрѣзвиль 116 б. вескоудни 3 а, и пр. Для сохранности же медіальнаго согласнаго является

гласный о: везо върѣмене 86 а. надо всѣми 88 б. изомногъ 92 а.

Нарѣчіе Юга предъявляетъ нѣкоторую французскую виртуозность предъ своимъ собратомъ Сѣвера въ сочетаніи несочетаемаго, но не въ концѣ. Такъ малорось говоритъ *дожж* (но очень близко къ *дошч*), *бчела* (т. е. медіальный и *tepuis*), хотя въ Галиціи обыкновенно *бджола*. Указанія этого найдемъ и въ памятникахъ. Такъ *Пандекты* 1307:

вчелы 19 а. рои вчелинъ 183 б.

въжчизакъ похотъ 45 б. (но: раждизакъ 66 б.).

поскрегчетъ 58 б. отагтѣхомъ 70 б.

въжчеланте прмдѣрти 166 б.

Формы: *глоуѣши* 93 а. *тажчѣк* и др., нерѣшающаго характера, ибо опора могла быть въ ѣ, относительно котораго ср.: *тоу* *воудеть* *пѣлаче* и *скръжетъ* 98 б.

Да и самъ церковно-славянскій языкъ, не смотря на всю консервативность своего правописанія (въ виду зависимости мѣны ѣ, ѣ на о, е отъ характера конца—медіальные концы были безъ прикрытія) прекрасно зналъ ассимиляцію: *ицадик* и пр. Это консервативное правописаніе глубокой старины чрезъ писателей XVII в. школы Мелетія вошло какъ законный ингредиентъ и въ нашъ современный языкъ, какъ требованіе образованнаго письма. Мы знаемъ, кто пишетъ—«фхотъ». Что же касается до якобы фонетизма въ правописаніи тѣхъ писателей: *тридцяти*, *наидорожшихъ*, то здѣсь мы видимъ вліянія: этимологіи и польское (ср. *wyższy*). Известно, что польское правописаніе въ сохранности старины, ея стили, идетъ далѣе нашего (а, а читай *оп*); слѣдов. оно только могло помогать блюсти преданіе старины, этимологической принципъ.

Относительно «чередованія согласныхъ и гласныхъ» — явленія, которые мы бы назвали музыкальнымъ ритмомъ (имъ заключается первый обзоръ), мы замѣтимъ: 1) трудно въ этой области особенно связывать малорусское нарѣчіе съ церковно-

славянскимъ языкомъ, въ которомъ, если глухо читать *ръпътъ* *мъдальнъ*, музыкальности было меньше чѣмъ мало; 2) это явленіе наблюдается не только на Югѣ и сближаетъ малорусское нарѣчіе не съ однимъ сербскимъ языкомъ (ср. 61).

И въ великорусскомъ нарѣчій имѣемъ: *о-ржаной*, *о-корокъ*; есть и согласныя приставки *h*, *j*, особенно же—*е* ¹⁾. Къ примѣрамъ, что у автора, прибавимъ одинъ — изъ Пандектъ 1307:

возвеселитса о || *ковцахъ* 277 б. Въ виду этого, можетъ быть, и «*въ вчяхъ*» въ выраженіи: *иже ходиша въ вч хъ и козыяхъ кожахъ* 40 а. надо читать: въ *ковцахъ*. Ср. въ Статутѣ Литовскомъ: 8 вочы и заучне 89.

Но спорить не будемъ, что великорусская рѣчь отмѣчена меньшею текучестью, вслѣдствіе, такъ сказать, своей практичности, своего быстрого, какъ бы дорожащаго каждой секундой, выговора. Отсюда и *лобъ*—*лба*, а не *лоба*; *ровъ*—*рва*, а не *рова*. Въ Изборн. 1076 г.: въ *ровъ* 297. въ *ровъ* 264. Но въ Пандектахъ 1307: *растергъ оуста лова* 150 б.

Въ народной пѣсни удвоеніе предлога *у*—*во* совсѣмъ ясно, какъ требованіе музыкальнаго ритма. Такъ одинъ стихъ:

Та вдарили з разу в дзвоны *у во вси*;
но черезъ двѣ строки:

Задзвонили *у вси* дзвоны по тым чумаку ²⁾. Съ мѣстоименіемъ *весь* предлогъ *у*—*е* сливается въ одно слово, но не безъ аналогіи женской формы — *уса*. Въ «Метрикѣ» 1687 Львов. епископа Шумлянскаго: «презъ оувесь день». Вспомнимъ и молдавскую грамоту 1471 года.

Чередованіе *еъ* и *у* составляетъ такую колоритную черту

¹⁾ Въ виду всеобщности губнаго придыханія не можемъ принять новой теории, по которой начальное *е* въ великорусскомъ напр. словѣ *вотчина* есть собственно предлогъ *еъ*, который сначала сросся съ своимъ словомъ въ косвенныхъ падежахъ, а потомъ прошелъ и въ именительный: «былъ вынуть новый именительный» съ *е*. («Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка» акад. Ягича, 68—69). Въ московскихъ грамотахъ первый примѣръ съ *е* отъ 1389 г. Но на Югѣ мы находимъ *е* въ Пандектахъ 1307 года — откуда, *minimum*, должно вести свою форму малорусское *овця* (овца).

²⁾ Żegota, «Pieśni ludu ruskiego», II, 37, 40.

малорусскаго нарѣчія, что въ ровню ему не можетъ ити ни одинъ собрать, менѣе же всего языкъ церковно-славянскій. Но она и въ памятникахъ старины также ярка. О ней въ Пандектахъ 1307 г. мы говорили выше. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ оттуда:

оу вѣм. вѣ:

Послѣ гласныхъ:

оуз: неоуздаѣти 8 б. о оуздержаньи 22 б. оузда оустажующи 23 а. на оузатѣк 30 б. на оусточнѣи горѣ 45 б. оуносттаго оуздраста 55 б. оускъю прискервна кси... и вѣскою смочакиши ма 68 б. оузлюбленин оуспранѣмъ 80 а. во оузмочѣнѣи 129 а.

оу: вѣра оумѣнитѣсѣ оу правдоу 10 б. нди оу миръ 10 а. вѣроуите оу ва и вѣ ма 12 а. оу вѣггы и оу пропасти 28 б. яко оупадоша моухъ оу поставъ паоучь 49 б. оумреши оу безгоды 101 б. оулоучити оу домъ 104 а. подкизантесѣ оунити 181 б.

Послѣ согласныхъ:

оуз: привытъкомъ оузъврацаѣтъ 20 б. изыкъ ихъ оузне-сесѣ 90 а.

оу: оу срамъ оупадаѣтъ 86 б. ни ходихъ оу великыхъ ни оу днѣныхъ паче мене 115 а. оу радъ оуводитъ 118 а. оу скорбехъ оу вѣдахъ оу тоугахъ 204 б.

Отдѣльные случаи: оудовица 57 а, -ци 27 а. коустафью, -къ 1 б, 2 а. иоуанъ 11 б. 34 б. 42 а. паоуль 15 а. 44 б. —а 82 а.

в вѣм. оу:

въ предлогѣ оу: совѣпражняющихъ сѣ 60 б. не вѣтантѣсѣ 62 б. вѣнныи 72 а. аще оубо вѣнныи 202 б. ничсо же емоу вѣспѣ 100 б. двокго прошю рѣ боу вѣ тебе 107 а. члѣкоу вѣгажающе 109 б. писма во вѣмерьцаѣтъ 117 б. иже тѣ вѣдаритъ 128 а. праведника оубо вѣви 167 б. оубо вѣмилѣннѣи 197 б.

Отдѣльные слова:

кор. оук: повѣчѣныа 4 а. 51 б. повѣчатиса 43 б. навчѣнь
118 а. ко вчнкомъ 82 б. и др.

кор. жз: колъ вѣзъка врата 181 = колъ оузка врата
215 а.

Но писатели XVII стол., какъ люди школы Мелетія, держались преимущественно этимологій, и потому въ пользу народнаго приѣма дѣлали изрѣдка исключенія, утверждая общерусское преданіе, унаслѣдованное отъ нихъ и нами.

Переходимъ къ разбору *морфологическихъ архаизмовъ*.

Флексія *ове* лишь изрѣдка въ языкѣ XVII стол., уступка преданію. Ибо въ народномъ языкѣ флексія эта только спорадически, напр. въ Галиціи. Правда, присутствіе ея можно допустить въ словахъ типа *жидова*; но это образованіе и въ великорусскомъ. Вообще русскія нарѣчія тутъ рѣзко отличаются отъ чешскаго, польскаго, сербскаго языковъ. Извѣстно, что чехъ употребляетъ *овѣ* и при неодушевленныхъ, чтобы только избѣжать немусыкальной мѣны гортаннаго въ свистящій.

Сомнѣваемся и въ архаизмъ другаго образованія — *мниси*. Это просто церковно-слав. форма. Взятая же въ подкрѣпленіе галицкая якобы форма — *смузи*, изъ сочиненія г. Огоновскаго, просто чудовищна, а авторъ въ ней слышитъ отголосокъ старины.

Иное дѣло флексія дат. ед. — *ови*: она такъ народна въ живой рѣчи, не чужда и старины, что совершенно понятна симпатія къ ней въ XVII вѣкѣ. Любитъ ее и чехъ. Съ точки зрѣнія сухой грамматики это — смѣшеніе темъ: на дѣлѣ это результатъ борьбы въ сознаніи народа нѣсколькихъ однофункціонныхъ формъ. Но въ интересахъ педагогическихъ можно удержать и терминъ «смѣшеніе».

Въ Изборн. 1076 г.: *конєви*, *олтарєви* 376. Въ Пандектахъ 1307: *маръкоки*. — *ѡрєи* 6 б. *дрюгоки* 158 б. *кфьремєи* 159 а. *мирови* 160 а. Въ памятникахъ типа Статута Литовскаго флексія *ови* — общее явленіе.

Но на Сѣверѣ, гдѣ флексія *ови* въ народной стихіи не находила ни малѣйшей поддержки, гдѣ все униформировалось, любимый пріемъ южныхъ писателей пройти не могъ, не смотря на живѣйшее сочувствіе въ церковной службѣ, и онъ отпалъ.

Въ формѣ *земі* (63) мы не видимъ «архаизма», а случайное совпаденіе съ флексіей ц.-слав. языка, послѣ того какъ $n=i$. Не согласны съ авторомъ въ пониманіи дат. мн. *паномъ*, что это отголосокъ старины, въ виду говора Галиціи. Но на сколько въ Галиціи эта форма чиста отъ польскаго вліянія, еще очень вопросъ. Въ Статутѣ: *кѹ долгомъ припогѹ, обчимъ людемъ*. Но и здѣсь или книжный архаизмъ, или польское вліяніе. Также мало искомый старины мы видимъ и въ вин. мн. *сини*. Ибо, въ народной рѣчи, пѣснѣ, это уступка ритму, какъ напримѣръ и у Пушкина *сыны*—им. мн.; у Галятовскаго или аттракція или излишняя манерность.

Но образованіе зват. п., согласное съ ц.-слав. языкомъ, какъ сегодня, такъ и въ XVII стол., есть безспорный архаизмъ малорусскаго нарѣчія; только необходимо вычеркнуть изъ списка зват. темы *і*: эта форма явилась подѣ диктовку Мелетія. Судьба этой формы въ дальнѣйшей судьбѣ литературнаго языка та-же, что и дат.-*ови*: чуждая Сѣверу, не смотря на поддержку въ церкви, она зачахла, за исключеніемъ книжныхъ оборотовъ (Боже мой) или просто малорусизмы—у Гоголя.

Оносительно формы твор. ед. ж. хотя и вѣрно замѣчено, что Югъ различается отъ Сѣвера сохранностью полной формы *ою*, *ею*, (*оу*, *ов*), но не указано, что это явленіе вызвано музыкальнымъ интересомъ. Если возможно сокращеніе конца *иі* въ *ій*: «Тогда гуляй пане до *самый* півночи» (*Żegota*, II, 81), то слѣдов. въ этомъ пунктѣ нѣтъ принципиальной розни между Сѣверомъ и Югомъ.

Во множественномъ числѣ сомнѣваемся въ народности «архаической» формы твор. — *береги* въ Галиціи: стихи не опредѣлитель языка. Въ Статутѣ Литовскомъ мы имѣемъ и этотъ «архаизмъ»: *съ паны, станы*, при ординарной формѣ на-*ами*, *ми*. Здѣсь ско-

рѣй всего вліяніе книги, старины, такъ что этотъ архаизмъ нельзя равнять съ дѣйствительною архаической формой Сѣвера: съ *товарищи*. Для стиля-же писателей XVII вѣка, державшагося здѣсь нѣсколько свободнаго ученія Мелетія, отмѣтимъ изъ Пандектъ 1307 г. примѣры: своими даръми 74 б. съ могочтми тищатиса 98 б.

Раздѣляя вполне мнѣніе проф. Потемби, но не автора, о характерѣ *i* въ пред. пад. (а это *i* и сегодня, и въ языкѣ XVII в.), полагаемъ вмѣстѣ съ г. Житецкимъ, что дивергентная флексія *охъ* (предл. множ.) есть національное достояніе Юга = ц.-слав. ѣхъ, охъ (темы оу); если же она особенно жива въ Галиціи, то не безъ поддержки, не столько польскаго, сколько словацкаго языка. Здѣсь *охъ* прошло даже въ род. мн.¹⁾ Сила этой формы такова, что подъ нее прилаживаются и имена темы *i*: *мыслѣхъ*. Но форма *ехъ* (сынехъ) не народна въ Галиціи. Но она съ симпатіями у писателей XVII вѣка потому, что держались Мелетія, который подвергъ удаленію форму *охъ*, форму *исторически народную*. Ибо:

Пандекты 1307: прѣстаити снохъ 194 б. (мѣстный всегда съ глаголами, снабженными предл. *при*: приложитъ животъ 24 а. приапе кость моя палти моки 24 а. постомъ възѣ присконтиса 24 б. и др.). въ чинохъ 278 б.

Массы примѣровъ въ Статутѣ, съ крайней пестротой формъ: *охъ*, *ехъ*, *ахъ*, съ преобладаніемъ первой: *на езохъ* 38. *в мѣстечкохъ* 39. *на замкохъ* 48. *на ночлегохъ* 62. *в постѣпкохъ* 70. *на сбѣмкохъ* 74. *на тыхъ рокохъ* 127. и др.

Какъ рѣдкую въ «занебаломъ» слав. языкѣ, Мелетій форму *охъ* устранилъ; за нимъ его школа, а потому и мы позже съ ней дѣла имѣть не могли.

Великорусское «волузяхъ» есть архаизмъ, но не потому, что здѣсь *я* = *н*: форма *лузъхъ*, т. е. *лузѣхъ* увлечена была ординарною флексіей *ахъ*; но мягкость *з* сохранилась, отсюда *яхъ*.

¹⁾ Ср. нашъ «Отчетъ» III, стр. 47, 48. О силѣ словацкаго вліянія на языкъ русскій въ Карпатахъ, см. тамъ-же, 48.

Обзоръ заключается указаніемъ архаическаго приѣма въ словообразованіи при помощи суффикса *ят* (ѣт), который дѣйстви-тельно развитъ въ малорусскомъ нарѣчьи до виртуозности, при-мѣняясь даже къ предметамъ, тогда какъ на Сѣверѣ онъ въ со-стояніи переживанія, болѣе и болѣе забываясь¹⁾. Понятно, писа-тели XVII вѣка свободно пользовались этимъ суффиксомъ и тѣмъ сохранили жизнь его и въ современномъ книжномъ языкѣ — въ нѣкоторой степени. Въ Пандектахъ 1307 г. отмѣтимъ *лсѣта* 129 а. Только у автора рѣчь о суффиксѣ *ят* непонятнымъ обра-зомъ вплетается въ хвостъ замѣчаній о двойств. числѣ (67).

Въ формахъ *лагола* (68—72) нарѣчіе Юга, какъ и Сѣвера, значительно отступило отъ церковно-слав. старины, сохранивъ отъ былаго времени немного.

Неопредѣл. накл. пользуется суффиксами *ти* и *тъ*; въ сти-хахъ, въ пѣснѣ для размѣра то одинъ, то другой. Но все-таки *ти* національнѣе, чѣмъ на Сѣверѣ, ибо постоянно и въ простой рѣчи. Если у писателей XVII в. господствуетъ суффиксъ *ти*, то въ этомъ приѣмѣ мы видимъ прежде всего вліяніе ученія Ме-летія. Они достигли здѣсь того, что водворили однообразный стиль на мѣсто свободной пестроты, какая въ Статутѣ, гдѣ то *ти*, то *тъ*, какъ въ чешскомъ языкѣ. Но въ стихахъ Статута — *ти*, для важности удержана церковно-слав. форма: «Должьныю и шырокость шнуромъ *позначити*, И челоуѣка можемъ *познати* по твары». Этотъ архаическій приѣмъ XVII вѣка прошолъ и въ нашъ литературный языкъ XVIII вѣка, но не удержался, развѣ въ церковномъ собесѣдованіи, не найдя поддержки въ народной стихіи Сѣвера: его типичную форму *тъ* знаетъ уже старѣйшій представитель его, Остромирово евангеліе, своимъ *напѣлнитъ* 213 а; затѣмъ Миней 1095 года: *проситъ* 183. Прибавимъ, что въ виду объекта въ винит. пад. и въ виду слабой интензивности

¹⁾ Гдѣ сильнѣе, гдѣ слабѣе. Въ «Лѣсахъ» Мельникова, III, 56 встрѣчаемъ: «что коровѣ *теля*, что свинѣ *поросѣ*, что отцу съ матерью рожею дитя — все *едино*». Последнее слово соблазняетъ думать — не вліяніе ли здѣсь въ языкѣ раскольниковъ книжнаго языка церкви?...

глагола мы думаемъ, что и Пандекты 1307 года могутъ предложить одинъ примѣръ неопред. на *тъ*: *нѣ добро възъзатъ хлѣбъ чадомъ и покрѣци псомъ* 156 б., т. е. *взять*. Супинъ здѣсь не у мѣста. Эта форма, столь живучая въ чешскомъ языкѣ, но съ потерей своей функціи, въ обоихъ русскихъ нарѣчіяхъ вымерла болѣе или менѣе одновременно, около XV вѣка¹⁾. Въ Пандектахъ 1307 г. еще имѣются слѣды супина: *въсташа игратъ* 19 а. *призватъ праведникъ* 75 б. *прѣнду собратъ дѣлъ и словесъ* 136 а.

Вполнѣ понятно, далѣе, что для языка XVII стол. формы архаическаго спряженія на *мъ* были столько-же церковными, сколько и родными, такъ какъ эта старина живетъ въ народной рѣчи и сегодня. Но гдѣ нашелъ авторъ болѣе чѣмъ слабую «поддержку въ живой рѣчи» употребленія аориста?

Прежде всего мы не понимаемъ, почему формы въ языкѣ XVII в.: *слышалисмо, естехмы* аористы? Русская «мова» творила всѣ подобныя формы подъ диктовку польскаго языка съ примѣсью мудрования — *х* вм. *с*, при сознаніи о символѣ прошедшихъ временъ *х* въ церковномъ языкѣ, какъ творилъ ихъ раньше, но проще, языкъ Статута Литовскаго.

Поддержку въ объясненіе мнимаго аориста авторъ находитъ въ говорѣ гуцуловъ. Но если и допустить это, то только для глагола вспомогательнаго (*бихъ, бисте*) и въ образованіи условнаго (а таковъ типъ условнаго вездѣ): слѣдовательно, гдѣ же эти «остатки» аориста? Кромѣ того, форма *бымъ* чаще слышна, чѣмъ *бихъ*, а это и наводитъ насъ на настоящій слѣдъ. Исследователь русскихъ говоровъ въ Карпатахъ всегда долженъ не упускать изъ виду одного — долгаго сожительства русскихъ людей тамъ съ поляками, разсыпанными всюду, а по югозападной границѣ — съ словаками, и сильнаго вліянія отсюда. Вѣдь извѣстно, что даже система польскаго ударенія цѣликомъ усвоена лемками, забывшими родное удареніе безъ остатка. Вообще, этническія отношенія въ Карпатахъ крайне путанныя; но вѣрно, что польскій элементъ

¹⁾ Ср. нашъ мемуаръ: «Какъ долго жилъ нашъ русскій супинъ?» въ «Филологич. Запискахъ» 1872 г.

также живетъ на счетъ русскаго у себя, такъ словацкій у себя. Польское населеніе равнины отъ горъ къ Вислѣ — ополяченные русскіе; но эта регенерація идетъ далѣе по направленію къ востоку. Словомъ, мы склонны видѣть польское вліяніе тамъ, гдѣ раньше и сами видѣли старину¹⁾.

Какъ сегодня, такъ и въ XVII вѣкѣ, уже не было прошедшихъ съ *х*. Самъ авторъ указываетъ, что Галятовскій, этотъ «лучшій стилистъ своего времени» (стр. 141), «одинъ изъ популярнѣйшихъ малорусскихъ писателей XVII в.» (стр. 26), употреблялъ сигматическія формы только въ текстахъ Свящ. Писанія (67, ср. 141), какъ поступаемъ и мы; всегда же — наше простое прошедшее на *лз* и безъ вспомогательнаго глагола.

Въ самомъ дѣлѣ, обязателенъ ли вспомогательный глаголъ, или онъ только допустимъ?

Авторъ базируетъ на думкахъ и отвѣчаетъ положительно. Мы жена тотъ-же вопросъ можемъ отвѣчать скорѣе отрицательно, съ одною уступкой, что, помимо пѣсеннаго ритма, вспомогательный глаголъ не рѣжетъ еще уха на Югѣ, а потому терпимъ, не больше. Не довѣряя личному опыту, мы совѣщались по этому вопросу съ свѣдущими людьми изъ Подолья, Украины. Вотъ что намъ пишетъ любезный коллега А. Л. Боровиковскій, авторъ милаго этюда: «Женская доля по малорусскимъ пѣснямъ». (Спб. 1879) и извѣстный поэтъ:

«Вчера я сказалъ вамъ, что *еси* въ малорусскомъ языкѣ вообще малоупотребительно, а что при глаголѣ *прошедшаго* времени абсолютно не можетъ быть употреблено. Между тѣмъ я навѣрное припомнилъ, что въ одной народной пѣснѣ говорится:

«Казава *еси*, що свататы буду —

А теперъ я бачу, що твоя не буду».

Значить, *допускается*, и, притомъ не только въ «высокомъ» слогѣ, а при обыденныхъ «амурахъ».

¹⁾ Нашъ «Отчетъ» I, 45. Тамъ-же, 55—68, соображенія наши объ исторической мѣнѣ границъ Руси прикарпатской и повислоцкой.

Почти навѣрное говорю, что цитируемую мною пѣсню я читалъ въ сборникѣ Максимовича. А если нѣтъ, то, значить, почерпнулъ ее изъ источника еще болѣе авторитетнаго — *непосредственно* изъ народныхъ устъ; въ юности я очень интересовался малорусскими народными пѣснями и записалъ ихъ массу; къ сожалѣнію, тетрадей этихъ не сберегъ».

Что же касается Запада — языка Галиціи, то и мы раньше думали за одно съ авторомъ объ архаизмѣ его прошед. времени¹⁾. Но теперь смотримъ на дѣло иначе: свободное передвиженіе элементовъ *м, с* (крошки отъ *есмь, еси*) и прилѣпленіе ихъ то къ субъекту, то къ объекту, то къ частицѣ, въ зависимости отъ интересовъ логическихъ и ритма — совсѣмъ *польскій* приемъ и никому болѣе не извѣстный. Справки съ старинной утверждаютъ въ этомъ.

Если, по мнѣнію г. Житецкаго, употребленіе *есте* языкомъ XVII в. даетъ ему народный колоритъ (70): то по нашему мнѣнію народный колоритъ не здѣсь, а у Галятовскаго, знающаго одну форму — простаго *лз*.

Апостолъ Львовскій: *лице симонъ...* *сѣде обиталъ* 3 а. *мнѣ же показалъ* 3 б.

Пандекты 1307: не могъ въ малѣ рѣцѣ 4 б. и си *ѡ* стхъ *ѡцнхъ* нашихъ рекъ 4 а. ты *осклавилсѣ* а она *грохотомъ* *оусмыкаласѣ* 49 а. *оусхотѣлъ* 60 а. *сѣвершевѣлъ* 47 б. *исътрѣзилъ* 116 б. *оудыхалъ* 142 а.

Пропускъ при *лз* сущ. глагола стоитъ въ несомнѣнной связи съ опущеніемъ его, какъ сказуемаго тамъ же: чакъ *ласкоръднѣъ* ничтоже ино. нѣ точью *чрѣвоу* *соускъдъ* богатъ 17 б. Также чисто по народному сказуемое *естъ* при подлежащемъ во множ. ч. въ апостолѣ Львовскомъ: *къмоу же ксть* *хлѣви* на при-мори 3 б.

Въ заключеніе авторъ оговаривается, что формы съ гл. *естъ* суть не народныя, а книжныя (71). Въ глазахъ же нашихъ —

¹⁾ «Отчетъ» I, 45.

того же ненароднаго характера и всѣ эти *еси, есмо*. Но удержанію ихъ способствовала широкая практика польскаго языка, который въ сферѣ книжнаго малорусскаго глагола такъ чувствуется уже въ языкѣ поповича Березки (Прологъ 1488 г.), напр. въ его *естесь* вм. *ты кси*.

Выраженное здѣсь нами сомнѣніе о «народномъ колоритѣ» галицко-русской формы: *лз* съ сущ. глаголомъ, прилагается и къ раннему, виѣ мѣста, грамматическому экскурсу автора въ статьѣ о словарѣ Берынды (48—50). Прибавимъ же къ слову по поводу этого экскурса, что лексическія операціи г. Житецкаго надъ опредѣленіемъ точекъ сближенія матеріальнаго состава польскаго языка, великорусскаго и малорусскаго нарѣчій отмѣчены отсутствіемъ желательной точности въ указаніяхъ. Авторъ утверждаетъ общность глагола *вабить* для этихъ трехъ языковъ. Но развѣ его нѣтъ, и съ сильнѣйшимъ распространеніемъ, въ чешскомъ языкѣ? Развѣ въ области великорусскаго нарѣчія оно въ одномъ тамбовскомъ говорѣ? Сошлюсь на 3 томъ романа «Въ лѣсахъ». Здѣсь: *перевабить* переманить сокола; *вабило* пара птичьихъ крыльевъ (стр. 340). Ту же ограниченность сравниваемаго матеріала указываютъ и сравненія: *вежа, кій, конать, рачить, смажить* и др. Авторъ недостаточенъ въ лексическихъ операціяхъ, образомъ которыхъ ему долженъ бы послужить неутомимый чешскій изслѣдователь, г. Матценауэръ: чтеніе лексическихъ статей послѣдняго доставляетъ истинное удовольствіе.

Но мы можемъ согласиться съ авторомъ, что остатки будущ. условнаго: прич. *лз* — *буду*, въ Галиціи — народная форма; если же у писателей XVII в. этотъ архаизмъ рѣдокъ, то потому, что въ сознаніи народномъ форма давно сочлась лишней. Въ самой Галиціи негласная поддержка этой формы была, вѣроятно, со стороны польскаго языка. Вотъ почему у тѣхъ же писателей XVII в., но изъ Галиціи, она вполне употребительна. Приведемъ отрывокъ изъ рѣдкой книги, автору неизвѣстной. Это «Метрика», изд. въ Львовѣ въ 1687 году епископомъ Іосифомъ Шумлянскимъ (еще православнымъ). Тутъ читаемъ: . . . «въ такіи сѣа, которіе иноци по

монастырехъ звикли весь днь праздновати, можуть простіи працовиті люде, убогіи ремесники, безъ скрупулу робити, меновите овій, которій не заробивши на хлѣбъ *не мѣгъ будетъ* що исти, альбо мѣлъ бы кто не робачи того дна въ полю альбо въ дому шкоду понести» ¹⁾).

Мы привели нарочно большой отрывокъ, чтобы видѣть простую книжную рѣчь того времени, конечно, на-сколько позволялъ это стиль, школа, а писать просто и было цѣлью автора-епископа: «для snadнѣйшаго вырозумѣна, не словенскимъ азыкомъ, але *нашимъ прирощенымъ російскимъ діалектомъ* изволихомъ писати».

Мы осмотрѣли главные пункты близости или совпаденія языка церковно-славянскаго и языка южныхъ писателей XVII вѣка — «церковно-славянскіе архаизмы въ малорусской рѣчи XVII вѣка» (72). Тщательная, кропотливая работа обличаетъ любовь автора къ своей задачѣ; но онъ извинитъ насъ, если, мы, по нашему разумѣнію, нѣкоторое число «архаизмовъ» должны вычеркнуть изъ предложеннаго епископа: въ нихъ сокрыто не «благочестивое преданіе», а проявилъ себя полонизмъ.

Переходимъ ко второму отдѣлу — къ «обзору общерусскихъ звуковъ и формъ» въ литературномъ языкѣ Малороссіи XVII столѣтія.

12.

Вторая глава стилистическаго анализа составляетъ центръ тяжести труда по объему (стр. 73—115), по интересу и отчасти по обработкѣ. И ее мы разсмотримъ въ порядкѣ изложенія автора.

Во главу *общихъ* чертъ поставлены обработка *ж* и «паденіе» «глухихъ», и совсѣмъ справедливо. Не только въ рукописи Новгородца Григорья, но и въ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ у

¹⁾ Книгу эту мы имѣли отъ о. Михаила Ничая, уже покойнаго, когда въ августѣ 1874 года гостили у него на приходѣ, въ с. Завадкѣ, въ горахъ Карпатскихъ подъ Калушемъ, Стрыйскаго округа.

Константина Багрянороднаго уже нѣтъ ни слѣда юсоваго. Недоумѣваемъ только предъ.выраженіемъ, что въ Остромировомъ евангеліи «есть случаи замѣны юсовъ». Да ихъ тамъ такая масса, что лишне считать. Но авторъ, который такъ любитъ галицкіе архаизмы, забылъ вспомнить, что именно въ горахъ Карпатскихъ и нѣчто юсовое слышится. Вспомнимъ и *Уи*-варъ = *Уж*-городъ. Знакъ же юса малаго получилъ закрѣпленіе свое въ письменности у Мелетія, откуда прошелъ и въ нашу церковно-книжную орфографію.

Болѣе пестрая судьба въ наукѣ ѣ и ѡ, пестрая потому, что хотя, въ виду взаимной мѣны юсовъ и ихъ замѣстительныхъ знаковъ, легко всѣ усвоили теорію Востокова, но то же основаніе — взаимная мѣна — признано совсѣмъ недостаточнымъ приемомъ, даже фальшивымъ, при опредѣленіи природы ѣ и ѡ. Мы лично не видимъ причины быть такъ непослѣдовательну: ибо разъ звуковое значеніе знаковъ ж и л опредѣляется чрезъ ихъ мѣну съ оу и ѡ, то то-же мѣрило можетъ быть примѣнено и при опредѣленіи значенія знаковъ ѣ, ѡ, и это тѣмъ обязательнѣе, что взаимная мѣна ѣ и о, ѡ и ѡ столь же *общерусская* черта письма Сѣвера и Юга, какъ и явленіе, впервые наблюденное Востоковымъ.

Мы не разъ высказывали нашъ взглядъ на значеніе знаковъ ѣ и ѡ, что они — секундарные о и е, ихъ звуки послабѣе о и е, но они не глухіе, въ *бомарскомъ* смыслѣ. Вотъ почему мы совсѣмъ привѣтствуемъ заключеніе автора, послѣ краткаго и неполнаго перебора мнѣній по данному вопросу, что та мѣна «указываетъ на звуковую близость этихъ звуковъ, которые въ произношеніи почти не различались между собою, поэтому переписчики и смѣшивали чистые съ глухими» (стр. 76). Какими же мотивами руководился св. Кириллъ при составленіи азбуки, внося въ нее ѣ и ѡ, это вопросъ темный и, можетъ быть, нѣсколько выяснится, когда явится средство прослѣдить судьбу славянской азбуки въ IX и X столѣтіяхъ. — Справедливы замѣчанія автора противъ оригинальныхъ доводовъ г. Огоновскаго. Но если бы

г. Огоновскій подобралъ изъ книгъ XVII столѣтiя доводы болѣе серьезныя, напр. изъ Метрики 1687 года: «чинъ ал'бо по-радокъ въ писаню именъ *крицаемыхъ* младенцовъ», то и тогда слова, какъ *крицати*, были бы простымъ сокращенiемъ въ устахъ лемка, сокращенiемъ еще отъ стараго времени, но не безъ влiя-нiя польскихъ и словацкихъ сосѣдей. Въ глазахъ Мелетiя оба знака справедливо были только знаками — твердымъ и мяг-кимъ — а отъ Мелетiя усвоили и мы эту титулацiю.

Но пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы изъ памятни-ковъ южнорусской старины, намъ доступныхъ, извлечь данныя для *звуковой* характеристики ѣ и ѣ, при чемъ одинъ небольшой отрывокъ, какъ весьма колоритный, мы предложимъ цѣликомъ.

Изборникъ 1076 г.

ѣ вм. о: тако поутъ вѣсѣмъ злѣмъ пиштѣ 178. ѣкоже прѣже рѣхѣмъ 247. довѣльно ми ксть 269. (ср. 192). медъ въ веселии дано вѣсть бѣгѣмъ. а не на пианьство сътворено вѣсть 536.

ѣ вм. е: ми сѣ поучати словесѣмъ теомъ 6. иже по за-повѣдѣмъ вѣнимъ... пожнша. 11. очисти родитѣль 309.

Изъ *гамичкихъ* листовъ аналогическiя описки см. въ «От-четѣ» I. Здѣсь же печатаемъ текстъ отрывка, о которомъ тамъ же, стр. 4, № 1, нѣсколько словъ и строкъ. Пергаменный ли-стокъ вѣка XII — XIII, изъ какого-то Слова противъ богуми-ловъ.

(Первая страница, обрѣзъ на лѣво):

...ладъ свон. аще стоѣ еоу негѣлее во ру
...Держаще и неподѣнѣ толокоующее
...оулавляютѣ чѣки на свою си пагоуеу
...ювое и вѣроу: крестеанескою погоу
...мыслать: и ооуе и безоума томаще
...во своихо мѣвахъ: аще бо и раздаютѣ
...мѣние мое: и аще прѣдаме тѣло
...да согорить: лювое же нѣимѣи: ни

...же оуспѣю: да аще то о чавцѣ рчено есть:
 ...еми паче о црѣки бѣи: еѣже ти нелю
 ...оучате: и стражете стое еуанѣлие
 ...коу ихъ и погыбѣлею ихъ: аки и
 ...оусеразе свинни во ротѣ: и толе сла
 ...брашно: смерти бѣваѣтъ: воложѣни
 ...бда ихъ: во дшахо послоушающн прѣ
 ...нихъ: яко же и чаша строинална
 ...едною каплею ѡторчеваѣте: ѡ смерти
 ...да ихъ и тацн соуцен мнѣтеса: ни
 ...же творѣщен: тако во ѣсте ѡбѣчавъ де
 ...оу и ѡслаѣплѣте ѡчи: и оумалѣте
 ...тъ: да творѣщен злаѣ: мнѣтеса не тво
 ...е и ничсоже: Яще во и поѣдино ного
 ...тица во пруглѣ оуказнете: смерти

(Вторая страница, обрѣзъ направо).
 прѣдана бѣваѣте: толе ми еретнц...
 ко перостомъ вѣзѣше оумираете: ко...
 словесе книжна не разовратиша: что...
 хоулиша: во мирѣ сѣмъ: оустроиноѣ...
 же и на земли точию: но и на вѣсотоу хі...
 цаюте глѣше: по деѣволи воли соуца вс...
 и слнце и звѣзды: воздоухо и землю н...
 цркви и крѣтъ и всѣ бѣи деѣволоу прѣд...
 и просто и всѣ движущасѣ на земли: н...
 наѣ: и безодшенаѣ: деѣвола зовоуте...
 ша ще во во ѣвнѣлий га рекоша: прито...
 ю: сноу: хѣ оубо ткорате старѣишего...
 менешаго ѣже ѣсте заблоудилъ: ѡ...
 ла мнѣтъ. и сами и мамоноу прозва...
 того творѣца нарицають и стронтеѣ...
 нымъ вещьмъ: и того повелѣвошемъ...
 мъ: женѣ поймати и мяса ѣсти. и в...
 ти: и просто и всѣ исхоулиша наша...

сѧ неснии зи жители теорать: аж...
и сѧ члѣки и живущаѧ во мироу ма...
ны слоугы зовоути: сами же и гнища...
сѧ всего того не приѣмлють: нѣвоздер...
ѧ ради: ꙗко же ѧ мы по сквернаво те...

Пандекты 1307.

ъ вѣ. о (и наоборотъ): тихъсть. сомѣрениѧ (въ припискѣ послѣ записи послѣдней страницы). доволѣкъ 26 а. 176 б. везо вѣрѣмене 87 б. изо многъ 92 а. конноу 92 б. вѣдось 104 б. 108 а. вѣ градось 119 а. вѣзодъмешѧ 135 а. ото злаго 167 а. раבותъ 234 а.

ѣ вѣ. ѡ (и наоборотъ): просвѣтилъ кси вѣреныхъ сердца (въ припискѣ послѣ записи). пынестельнаго 21 а. женескъ 45 б. оустеньными 46 б. чювестьно 66 а. пѣлаче и скръжетъ 98 б. вѣдъ дѣжколескъ 132 б.

ѣ вѣ. ѣ: сесца твоѧ. 293 а.

Но особенно ясно документуется *звучность* глухихъ въ «опискахъ» современной общерусской вокализации словъ плавныхъ сочетаній.

Изборникъ 1076 г.

ор : начатъкъ гордына члка 353. Въ виду этого, едва-ли можно сомнѣваться, какъ писецъ читалъ свое: не боуди гърдъ да не похвалитъся гроевъ гърдость твою объдържа. и оубоги почикъ на гроевъ твоимъ 102—103.

скорѣи 20. боуди ти въ скорѣи твоѧ приѣжище црѣи паче же и кромѣ скорѣи по всѧ часы 22. красна кестъ въ время скорѣи 330—331; но черезъ строку: въ вѣрѣмѧ скърѣи 331, и др.

ро : дровъ 322.

ол : долготърпѣливъ 399.

ѣр : имъ же црѣство отъверзеса 37.

Но при твърд — на 14: твърдо; при първ — на 391: потому не идетъ на порыва грѣхъ. Въ Галиціи, среди бойковъ, мы слышали: *трѣх* треба там, *четырѣх*.

ре : въскресенію 97. Кажется, здѣсь е подправлено; обычно: въскрьсенію 88. окръсть 28. хръстьяна 89.

Пандекты 1307:

ор : гордынахъ 116 б.

кормахъ 17 б. коръмить 177 а.

скорьныи 41 б. скорьехъ 69 а. да не како лишъшею скорьью пожертъ боудеть 79 б. Но много чаще этотъ корень имѣеть оригинально — южную вокализацию ер : скерьь 1 б. — и 33 а. 34 а. скервить 19 а. скерьь 31 а. прискервна 68 б. оскерььляктъ, — кмъ 141 б. и др.

оусторгати 89 а. Но: растерьгнѣте 27 а. растергъ 150 б. растерьгнутъ 151 а.

Двойное о : скоропни 7 б. коромъчин 60 а. 254 б.

ро : при : «яко же бо дръва великъ въздвижють мпламъ» 18 б. — въземъ въръмь дровъ 253 б.

ол : оболкъсѣ 42 б. 75 б. оболкънѣсѣ 77 а. оболкъшесѣ 257 а.

должни 128 б. долъжноукъте 156. оузда си
долгъ 61 б.

долготерпѣньи 10 б.

оу молевъ 35 б.

молчати 62 б.

не оуспоползесѣ 92 а.

исполънени.

Двойное о : сколокъсѣ 42 а. Ср. галицкіе листки.

ер : поверженомъ 3 б. поверженъ 10 а. въвергъше 127 б. Овержетъ 152 б. оувержено 168 б.

свершети 161 а.

дерзою 198 б. дерзи 200 б. безъдерзновеньи 193 а.

оудержатисѣ 22 б. и др.

жерца 278 б.

мертеъ 3 б. оумеръцъваляющаго 5 а. вѣсмертък 7 а.

и др.

первок 14 б. первѣствовати. 133 б.

скверньнами 114 а. скверньноюю 173 а.

терпѣливы 3 б. (дважды).

черноризецъ 227 а.

почерпешн 247 а.

ре : крестъ 207 а. 215 б.

хрестына 265 б.

поскрегчетъ 58 б.

въ трепетъ 117 а.

Но ер вѣ. ре : вѣрвно 121 а. вѣрныи 187 б.

ел : золчи 53 а.

ле : слезъ 208 а.

Отмѣтимъ двойное число ѣ, ѥ въ Изборникѣ 1076 г.:

вѣѣлъченоу 212. 213.

нактъръмлаи 30.

отъвѣръзетъ 162.

сѣмьрътъ 34. мьрътва 229.

мьръцаи 20.

посктъръви 27.

Эти данныя указываютъ, что нельзя утверждать категорически («видимо») о принадлежности двойнаго ѣ, ѥ и ихъ замѣстителей Сѣверу, и что примѣры, приводимые изъ Галичскаго евангелія, не единственны и могутъ быть нѣсколько увеличены. Въ стилизованной ореографіи XVII столѣтія эта двойственность имѣть мѣста не могла. Одиночное *р* или *ры* въ XVII вѣкѣ, но изрѣдка, обязано, несомнѣнно, народной рѣчи. Форма же *дѣвери*—въ Пандектахъ 1307 не рѣдка: *дѣвери* 6 а. и др., если только здѣсь ѥ не служить для обозначенія мягкости согласнаго, пріемъ, столь обычный въ правописаніи памятника: *исѣтрѣзвилъ* 116 б. *исѣкрънимъ* т. же.

Состоящее въ непосредственной генетической связи съ звуковымъ значеніемъ ѡ—ѣ *полюгласіе* (мърз—мор-о-з-ъ) въ народной рѣчи Сѣвера, въ народной и книжной рѣчи Юга проявляетъ себя много смѣлѣе, чѣмъ въ нашемъ литературномъ языкѣ. Писатели XVII вѣка въ этомъ отношеніи были болѣе народны, чѣмъ мы. Вотъ почему современный языкъ писателей Галиціи, которые продолжаютъ языкъ своей старины, съ его «нагорода», «беремя», намъ кажется страннымъ, манернымъ, а эта старина открывается Изборникомъ 1076 года. Въ немъ мы находимъ:

воротиса съ врагъмъ 213.

ворошнѣмъ своимъ 300.

да огорожаютъ ю. 489.

морозъмъ измързъше 84.

пороха нападъшж 81.

соромаживоу быти 203.

законъ хоронити 205.

чюже сѣма половела горчѣк 152.

веремъ 155. 191. 409.

ни вередихъ 217. везъ вереда 444.

веремъ 80. 115. 370. веремени паче 298.

раздереться и върхъ 502.

перевываник ихъ 119. беспечали перевывакъ переже

прихода 239. переже въсхытити 249.

по истверезении 150.

черепають 33.

Особенная, если не описка, вокализація: черсъ 473 (дважды).

Въ разсмотрѣніи весьма сложнаго вопроса о природѣ ѣ авторъ теперь отказывается отъ эпохи до памятниковъ и утверждаетъ по старому, что хотя исходною русскою точкою для ѣ есть мягкое долгое е, но со времени памятниковъ долгота была чужда языку (80). Позволяемъ себѣ замѣтить:

1) Наши «южнославянскіе учителя» (80) были изъ Болгаріи, въ XI—XIV в. Но какъ же они могли занести къ намъ взглядъ,

что ѣ это *je*, когда у нихъ ѣ = *ia*? Вспомнимъ хоть Парамейникъ Григоровича, съ его характерными *звирь*, *скитъ*.

2) Какъ въ польскомъ (*las*, но «*lesie*»), необходимо допустить и для русскаго ѣ = *ia*. Ср. *прямо* = *прѣмо*.

3) Авторъ не достаточно обратилъ вниманіе на судьбу ѣ въ чешскомъ языкѣ, именно въ памятникахъ средневѣковой эпохи и первопечатныхъ книгахъ. Тамъ онъ увидѣлъ бы, такъ сказать, графически картину генезиса ѣ — *i* изъ ѣ — *je*, благодаря не установившейся еще орфографіи. Да и нынѣшняя мѣна ѣ — *je* и ѣ — *i*, въ зависимости отъ производства: *věriti* — *vira*, достаточно иллюстрируетъ положеніе, что ѣ — *i* есть развитіе перваго звуковаго элемента въ *je*. Напрасно авторъ наложилъ предварительный обѣтъ — обходиться безъ славянскихъ справокъ: въ предметѣ, какъ исторія русскаго языка, нельзя успѣшно оперировать безъ внимательнаго отношенія къ славянскимъ языкамъ, ихъ исторіи.

Но ѣ, будучи въ началѣ нашей письменности нѣкимъ алгебраическимъ знакомъ («для выраженія разныхъ звуковъ»), у писателей XVII в. равно *i* долготу; благодаря же Мелетію, они употребляли его вообще въ системѣ, каковой системы держимся и мы сегодня.

Вѣроятно, обмолвкой авторъ въ вокализациі словъ *полата*, *сотона* (стр. 82) видитъ народный элементъ, тогда какъ эта форма уже въ церковно-славянскомъ языкѣ. Слово же *младенецъ* сюда не идетъ: это — полонизмъ.

Мѣна *e* послѣ шипящихъ, ограниченная извѣстнымъ условіемъ на Сѣверѣ, какъ извѣстно, свободна на Югѣ. Но какъ стара эта свобода, это *чодъ*? Явленіе, ставшее всеобщимъ, раньше могло имѣть лишь частичное примѣненіе; поэтому ограниченіе, дѣйствующее на Сѣверѣ, должно имѣть за собой старину, и это заключеніе самымъ дѣйствительнымъ образомъ поддерживается *польскимъ* языкомъ. Свобода же Юга развивалась съ постепенною потерей въ сознаніи народа мягкости шипящихъ: отсюда *чодъ*, *щокюю* и сегодня, и въ XVII вѣкѣ. Пандекты знаютъ ста-

рину: свершающему 2 а. Но апостолъ Львовскій уже имѣеть о: вѣроующему 4 б. Впрочемъ, эти примѣры нерѣшающаго характера, такъ какъ въ памятникахъ уже развито склоненіе по аналогіи: реченому. стѣому.

Обратное явленіе: перегласовка о, а въ *je* ограничивается преимущественно Галиціей, да и здѣсь живетъ спорадически, причемъ сохраняется мягкое е. Нельзя потому принять утвержденіе автора, что «перегласованіе составляетъ органическую принадлежность народной фонетики» (84).

Изъ памятниковъ старины отмѣтимъ:

Житіе Θεодосія: шагающе 1 б.

Пандекты 1307: меншего 1 б. Ѡ желѣкмыхъ 24 а. по-добакъ свершети. 161 а. припражехомъ 178 б.

Статутъ Литовскій: Варшевою.

Что же касается Галичскаго евангелія, то ѣ указанныхъ примѣровъ можно разсматривать, какъ приемъ южно-славянскій.

Взглядъ автора на дивергентное у въ гл. *бути* совсѣмъ правленъ. Въ Галиціи, у бойковъ, никогда не слышно украинской формы, а только *бути*. Въ Чехіи, на западѣ, есть небольшой край *булаковъ* (buláci); это тѣ, «kdo mluví bul, -a, -o zami- sto bul, -a, -o», по опредѣленію чешскихъ этнографовъ. Это чеш. *bul* не имѣеть ничего общаго съ малорусскимъ *буѣ*.

Но не точно объяснена такъ наз. вокализція л (ѣ), столь отличающая малорусское нарѣчіе отъ языка Сѣвера и сближающая его съ сербскимъ. Ибо: 1) не для чѣго предполагать посредника между л и у въ лицѣ е, такъ какъ получается одинъ средній звукъ; 2) нѣтъ причины связывать это явленіе съ «потерей» ѣ; причина — музыкальный инстинктъ: *дайѣ*, но *даѣд*. Если въ нѣкоторыхъ словацкихъ говорахъ есть и *дайа* (= *daŕa*), то этотъ выговоръ производитъ одинъ комическій эффектъ — своею неуклюжестью звуковою и гримасою на лицѣ говорящаго. Формы: *любывемся*, *напывемся* (*Žegota*, II, 91), указываютъ только на относительную молодость этого *польскаго* образованія; раньше должно было быть только: *любѣѣ*, *напыѣѣ*.

Извѣстно, что въ Галиціи есть мѣста, гдѣ вокализація *л* не обязательна. И слѣда ея нѣтъ въ Статутѣ Литовскомъ, языкъ котораго такъ народенъ, напримѣръ, въ выраженіи: «на тебе брехалъ яко песь»; но въ жизни она уже дѣйствовала. У писателей XVII столѣтія встрѣча ея — рѣдкій провинціализмъ, конечно, подъ вліяніемъ Мелетія.

Согласные: *д*, *т* + *ж* даютъ, какъ извѣстно, двѣ общія фонемы во всей области русскаго языка, рѣзко выдѣляя нашу рѣчь въ родной семьѣ: всякая иная фонема не «свойственна» ей, вопреки мнѣнію автора (88). Обѣ эти фонемы документуются старѣйшими памятниками роднаго слова. Отмѣтимъ въ Архангелогородскомъ евангеліи (1091) даже *Ѡпоучати* 117 а.

Но вотъ карпатская фонема *дж* (*роджу*): исключеніе? Нѣтъ, если она національна, она та-же общерусская фонема *ж*, но съ датою самой сѣдой старины. Мы говоримъ условно, потому что еще не устранена абсолютно мысль о польскомъ вліяніи (*rodze*). Обстоятельно мы нѣкогда говорили объ этой оригинальной чертѣ галицкой рѣчи въ нашей диссертациі: «Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій», во вступительныхъ страницахъ. Если галицкая фонема такъ часто у Беринды, то потому, что онъ самъ долго жилъ въ Галиціи. Понятно, что сочетаніе *здж* даетъ *ждж*. Въ Метрикѣ Шумлянскаго: «не вымишляючи собѣ *проижджожъ* албо прохадзокъ непотребныхъ»; второе — полонизмъ.

Совершенно въ сторонѣ стоитъ своею судьбою въ обоихъ русскихъ нарѣчійхъ сочетаніе *зж*, гдѣ *ж* изъ гортан. *з* или получившееся инымъ какимъ способомъ, въ церковно-слав. *жд*, случайно однозвучная величина съ фонемой отъ *д* + *ж*. Авторъ не достаточно различаетъ обѣ эти однозвучныя фонемы. Возьмемъ церковно-слав. слова: *дѣжда*, *рѣждик*.

Языкъ Сѣвера относится къ этому *жд* по своему, языкъ Юга по своему: тамъ выработалась фонема *жж*, здѣсь — *жч*. Такъ, въ Миней 1095 года: *ижгилилъ* кси 178. *дѣжгъ*. Но въ Пандектахъ 1307 г.: *въжчизакъ* похоть 45 б. (ср. *раждизаѣтъ* 66 б).

въжчеланте прмдѣти 166 б. Отсюда уже чрезъ ассимиляцію на Югѣ ж въ ш: *дошч* — столь народная фонема (а гдѣ сохранность «звучныхъ»?). Естественно, что она и у писателей XVII в.

Что же касается «народности» словъ: *пророцтво*, *свѣдоцтво* (89), то мы здѣсь видимъ одинъ полонизмъ. Здѣсь совсѣмъ иное образованіе, чѣмъ въ остромировомъ вѣствѣ 145 а.

Далѣе, отвердѣніе шипящихъ, наоборотъ, сохранность мягкости у свистящихъ, обѣ эти черты составляютъ довольно рѣзкую особенность Юга: къ нимъ Сѣверъ стоитъ прямо въ обратномъ отношеніи. Мелетій въ этомъ вопросѣ оказался на сторонѣ Сѣвера, подъ влияніемъ церковныхъ книгъ, почему правописаніе наше сегодня — правописаніе и XVII вѣка, за немногими изъятіями. Но болѣе старые памятники Юга на сторонѣ народа.

Изборникъ 1076 г.:

свѣтъ немьръцаи слъньце. 20. въ съкръвенни отиноудъ не приницати 208.

Львовскій Апостолъ: на горницю 2.

Пандекты 1307:

Фрицати 9 б. трцю 12 а. Фцю 10 а. нарицаемъ 305 б. оусадитъ та оу темницю 171 а.

Но изъ XVII стол. возьмемъ Метрику еп. Шумлянскаго, писанную «нашимъ російскимъ діалектомъ»; тутъ стиль не Мелетія:

«Укажетъ ли потреба довѣдатиса кто кого и котрого рокѣ, мѣца и два родилъ, албо крестилъ»; «друкарню новую *працею* и коштомъ власнымъ спорадивши»; «не послоухаетъ же кто... дховнаго *заказуючого ста*»; «дай же му *отцевское наказаніе*».

Что же касается взаимной мѣны свистящихъ и шипящихъ, то это явленіе, столь характерное искони для рѣчи крайняго Сѣвера, справедливо, рѣдко на Югѣ, и сегодня, и въ старину. Въ Пандектахъ 1307 имѣется одинъ-другой примѣръ: *ночь* 3 б. *поверзень дхомъ* 10 а., не считая мѣны въ кромѣ *чист*: *очистѣвши* 7 б, но: *о цѣрѣньи* 9 б. Слово *золчъ* 53 а и въ памятникахъ паннонской семьи, при жалчъ въ Бононской псалтыри.

Такъ называемое «удвоеніе» согласныхъ при суфф.-икъ въ рѣчи Украины (если оно есть) чуждо рѣчи русскихъ Галиціи, гдѣ процессъ образованія отглагольныхъ именъ прошелъ по общей колеѣ чешскаго, сербскаго и другихъ братій, безъ оригинальности. Въ чешскомъ языкѣ, какъ извѣстно, суфф. *ик* сокращается въ долгій звукъ (*kázání*). Справедливо указаніе автора, что точка отправленія—форма *ѣк*, почти единая и въ Пандектахъ 1307 г. (уже первое слово здѣсь: «присланѣю»), какъ и въ Галичскомъ евангеліи; но ни изъ чего не видно, что если въ XVI столѣтіи встрѣчается правописаніе *одѣча*, «то отсутствіе *ѣ* ясно (!) указываетъ, что въ этихъ формахъ произошелъ уже процессъ удвоенія согласныхъ» (92). Вѣдь самъ авторъ призналъ, что оригинальное «удвоеніе» «отсутствуетъ» въ Галиціи. Строгий Мелетій строго ставитъ передъ я значекъ - замѣсто *ѣ*. Въ Пандектахъ 1307 г. совсѣмъ по-русски и въ *ѣ*: *пѣнчичѣъ. посмѣнчѣъ* 20 б; и изъ *ѣ* только въ род. мн.: *несоудидиши привидѣнни страшенѣ* 111 б. Указываемъ на это, чтобы быть обезпечену, что писецъ 1307 года свое *ѣк* читалъ, какъ мы свое *ѣе*. Примѣръ стяженья *ѣк* въ *к* какъ будто находится въ Львовскомъ апостолѣ, гдѣ и рѣчь народная: *кмоу же ксть хлѣки на примори* 2 а.

Небольшія замѣчанія о согласныхъ *ѣ*, *ѣ* заключаютъ фонетическую главу. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что авторъ, наконецъ, отказался отъ своей патріотической теоріи, навязывая малорусское *ѣ* даже языку св. Кирилла, хотя и формулируетъ свое отреченіе недостаточно скромно (93). Затѣмъ, прибавимъ, что законодатель нашего правописанія, Мелетій, тѣмъ осторожнѣе долженъ былъ отнестись къ буквѣ *ѣ*, что его современники привыкли съ нею соединять свое народное содержаніе, видѣть въ ней выразителя этимологическаго сочетанія *ѣѣ*: «водѣ ѣфалы сомовое», «ѣфалимъ», «з лифы жилъ», читаемъ въ Статутѣ Литовскомъ.

Прекрасные примѣры замѣны чуждаго *ѣ* своими *ѣ* и *ѣѣ* имѣемъ изъ XVI вѣка: *Хвекла*, *Влехверилнъ*, *Хедомъ*, *Хедоръ*,

Опахтя (= *Опахта*), (*Омохна*, *Отехванъ* ¹⁾). Основной звукъ *о*, *х* — придыханіе.

Примѣры *х* изъ *к* въ корнѣ *крѣстъ*: *хрѣстьяна* (Изборн. 1076, 89); *хрѣстьяна* (Пандекты 1307 г. 265 б.); *къ стѣмоу хрѣщью*, по хрѣщеніи (Апостолъ Львовскій 4 а.).

Въ *морфологической* главѣ авторъ прежде всего трактуетъ объ общерусской флексіи *ѣ* — тождественное окончаніе въ памятникахъ старины для тѣхъ многихъ падежей, въ которыхъ старослав. языкъ зналъ *а*, рефлектирующее *ы*, а нынѣшній русскій Сѣвера и Юга — *и*, одно изъ «искаженій» старины, выражаясь неудобной терминологіей г. Житецкаго (94).

Авторъ разбираетъ литературную исторію вопроса, въ частности, вопросъ — какъ читать это *ѣ*, и приходитъ къ вообще справедливому, на нашъ взглядъ, заключенію, хотя и формулируемому многословно и не вполне ясно, что это *ѣ* — формула: одинъ читалъ въ ней *и*, другой *е* (96). Мы же замѣтимъ:

1) Если *а* рефлектируется въ русскомъ языкѣ черезъ *я*, то непонятно, почему въ склоненіи онъ непослѣдователенъ себѣ. Мы полагали бы, что флексія *а* прежде всего замѣнилась звукомъ *я* = *я*. И любопытно, память объ этой формѣ старины безсознательно живетъ и сегодня. Что такое наше *нелзя* = *нѣльзѣ* Изборника 1073 года? Простой род. ед. отъ именит. *лза*, сохраняющагося въ сложеніи: *по-лза*, и буквально наше *нелзя* значить: нѣтъ возможности. Поэтому такъ ошибочно нѣкоторые писатели XVIII в. конструировали: «*лзя-ль?*».

2) Флексія *и* для тѣхъ падежей образовалась путемъ аналогіи и раньше, чѣмъ полагаетъ авторъ: она документуется уже XI столѣтіемъ, что упущено имъ. Ибо въ Остромировомъ евангеліи читаемъ: на погребѣни стѣмъ вѣи 228 а. Слѣдов. этотъ примѣръ на вѣкъ старѣе примѣра изъ Галичскаго евангелія, что у акад. Ягича: *пользѣ* ²⁾. Въ Пандектахъ 1307 г. — *полза* ради 72 б. Еслибы слово *трапѣза* не было иностраннымъ, то мы имѣли бы въ

¹⁾ Нашъ «Отчетъ», I. 26.

²⁾ «Критич. замѣтки по исторіи русскаго языка», стр. 73.

той же Остромировой рукописи параллель къ «пользѣ»: трапизы 88 а. Въ Пандектахъ 1307 г., по видимому, форма по аналогіи: очн мон на вѣрныа земли 11 а. Если же принять во вниманіе, что этому памятнику не безъизвѣстно $\text{ъ} = \text{і}$, то, вѣроятно, много скрытыхъ примѣровъ род. на и: напр. кдиноа недѣлаѣ 3 а.

3) Столь же стара (грамматически старѣе) и очень народна флексія а — е: отъ Миней 1095 г. (вѣрны. надежда. любѣе 142) чрезъ Пандекты 1307 г. (настасѣе. марфы. кегиньѣ. кедокъѣ 306 б.) и до Статута Литовскаго, при чемъ дольше всего не поддавалось дѣйствию аналогіи склоненіе прилагательныхъ. Отсюда въ Статутѣ: «шкром... *шаблм...* и *инѣшое рѣчное брони*»; «тежъ и крѣпицы *остаки*». Но какъ понимать это е изъ и, а? Правда, это рефлексъ для а общеславянскій, но — не русскій. Остается думать дѣйствительно о перегласовкѣ; такъ, въ той же Миней 1095 года имѣемъ: соуграженинѣ 220, шетаниа 67, 122, въ Пандектахъ ю въ и: межи совою 155 а.

Одинаково сильно и давно пошло и общее униформированье — «искаженіе» — схемы склоненія вообще, т. е. униформированье темъ, флексій и функций самихъ падежей. Частично это явленіе даетъ себѣ чувствовать и въ памятникахъ панновскихъ. Партія, нѣсколько блѣдно изложенная у автора, прекрасно представлена акад. Ягичемъ, такъ что мы приведемъ лишь нѣсколько справокъ изъ старины:

Ед. ч. слажъша мѣдоу, но: паче мѣда, *Изборн.* 1076, 10, 5. коневн, олтаревн. бгвн, т. же, 3, 376, 457. дроуговн, кфърмоєвн. мировн. марѣковн, *Пандекты* 1307, 158 б. 159 а. 160 а. 306 а.

пламъ = мпламъ, *Пандекты* 45 б. 18 б. написанъ о лотовоу дщѣроу, тамъ-же 22 а. ли окъмъ крадъмъ, *Изборн.* 1076, 417.

Дв. ч. да понциють црѣи деца двою, *Пандекты*, 6 б. прозорочьными очима, *Житіе Θεодосія.*

Мн. ч. оудове, Изборн. 1076, 406.

*кождевъ (и у автора). врановъ. троудовъ. ларевъ,
тамъ-же 14, 49, 177, 544.*

даръми, Пандекты 1307, 74 б.

Замѣтимъ противъ автора:

1) Не ясна причина, какъ *фл. олз* могла быть мостомъ для сближенія флексій *пхз* и *ахз* въ *ахз*. Флексія *олз*, очень живучая въ Галиціи, въ Статутѣ Литовскомъ при *ехз*, *ахз* (см. выше).

2) Появленіе формъ *Данило, Михайло* и пр. не имѣетъ отношенія къ «паденію» глухихъ, и есть результатъ музыкальнаго ритма: *Даниилъ, Гавриилъ, Самуилъ*; но: *Данило, Гаврило, Самойло*. Для давности этой музыкальной вокализаціи конца, вполнѣ напоминающей вокальную гармонію въ образованіи малорусскаго повелительнаго — *ходимъ*, но *ходьмо*, отмѣтимъ:

гаурила, данила (род. ед.) Остромирово еванг. 231 а. 245 б.; *гаврило* Минеи 1095, 46; *прркъ самойло* Пандекты 163 а. Ср. *самонла* мати, тамъ-же, 109 б.

3) Перуны противъ «малограмотныхъ писцовъ» на стр. 99 несогласны съ раньше высказаннымъ взглядомъ на природу *ъ, ѣ*. Или одно, или другое.

4) Формы: *живота, хлѣба* (100) суть настоящіе родит. падежи — родит. *partitivi*.

Въ изложеніи о *малолѣ* замѣтимъ прежде всего, что суф. неопр. накл. *тъ* вм. *ти* ведетъ свою исторію ранѣе, чѣмъ съ XII в.: выше мы привели даже изъ Остромира — *напѣлнѣтъ*, почему и правъ г. Соболевскій, а не его критикъ, готовый совсѣмъ вычеркнуть *тъ* изъ синодика отличій русскаго языка отъ церковнославянскаго ¹⁾. Колебаніе въ выборѣ идетъ очень долго, какъ видно изъ Статута, продолжается и сегодня на Югѣ, ритма ради. Совершенно вѣрно, что суф. *супинный тз* ни при чемъ въ утвержденіи формы *тъ*: достаточно вспомнить чешскій языкъ; но не

¹⁾ Акад. Ягичъ, Крит. замѣтки, стр. 88.

точно, что *чи* есть «общерусское окончаніе» — только въ известномъ классѣ глаголовъ, но въ малорусскомъ, какъ сегодня, такъ и въ XVII ст. — путанное: *бережи*. Вообще точность какъ-то иногда совсѣмъ оставляетъ автора, напр. въ судьбѣ личныхъ флексій наст. времени. Развѣ можно говорить, что памятники XI в. только «иногда» (стр. 102) замѣняютъ ж—оу? Напротивъ, слишкомъ неиногда, если и нельзя сказать — всегда. Кромѣ того, рѣдкая встрѣча ж не имѣетъ никакого отношенія къ самому языку. Далѣе, развѣ гл. *имамъ* (мъ?) архаическаго спряженія? Но этимъ глаголомъ можетъ документироваться появленіе флексіи мъ вмѣсто мь: напр. въ кодексѣ Григоровича на два случая имамъ 15 — имамъ. Языкъ, сохранявшій очень долго ѣ въ 3 лицахъ, долженъ былъ долго сохранять тотъ-же звукъ и въ 1 лицѣ, въ мь. Этимъ объясняется задержаніе формы *есмъ* и колебаніе ея — *есме*, *есми*. Въ Пандектахъ 1307 г. эта мягкость конца рѣзко отмѣчена: ксьмъ 60 а. 115. Прибавимъ, что великорус. повелит. *ишь* (т. е. *ижь*) иллюстрируется *вижь* Пандектовъ, 80 б.

Объ отвердѣніи суффикса 3 л. замѣтимъ, что въ Изборникѣ 1076 года мы нашли одинъ примѣръ: въсходитъ штъ нхъ 42. Въ галицкихъ листкахъ строго ть въ обоихъ числахъ. Въ Пандектахъ правило ть, исключеніе ть: оупадетса 29 а. не втаитса 62 б. възрадоуктса 71 б. оучит ны 88 а. оузератитса 95 б. оузражактса 108 б. поносатъ намъ 126 а. повѣчатса 146 а. возвеселитса 277 б. Отъ Мелетія идетъ наше правописаніе—*тъ*.

Опущеніе суф. ть (тъ) очень старо, дѣйствительно; но какъ сегодня, такъ и въ старину, оно особенно на Югѣ. Такъ въ Изборникѣ 1073 (первые листы): к. прикмак. расждак. ноуждак. сънавѣдѣак. може. съвършак—на листахъ 13 и 14. Въ Изборникѣ 1076: да ти боуде оваче 138. р̃рицею прииме 537. Въ Пандектахъ: к 14 а. 17 б. 72 б. 102 б. 257 б. соу 63 а. придоу... роутатели 93 б. Но сохраніе *тъ* сегодня лишь у глаголовъ низшихъ разрядовъ: языкъ воздерживается, чтобы не путаться съ повелительнымъ наклоненіемъ.

Что касается прошедшихъ простыхъ, то неправильно сказать,

что они были «нечужды» (104) языку въ старину. Не только аористъ I, но и II очень ярко окрашенъ народнымъ употребленіемъ въ памятникахъ Сѣвера даже XIV вѣка, напр. въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, житіяхъ. При недостаточно точной фразеологіи автора, можно бы даже подумать, что анафорическій, по аналогіи, ублюдокъ тѣ (тъ) есть какое-то органическое достояніе аориста I. Та-же живость, энергія въ памятникахъ и у имперфекта; ужь по этому самому въ немъ нельзя видѣть заноса съ Юга, изъ-за Дуная. Сосуществованіе наряду съ-аахъ формы описательной на лѣ еще не даетъ права говорить объ искусственности имперфекта. Излишне вспоминать лужицкіе языки, гдѣ живутъ прекрасно и аористъ, и имперфектъ, языкъ болгарскій. Русскій языкъ средней эпохи находился въ положеніи нынѣшняго сербскаго, гдѣ аористъ и имперфектъ живутъ, но употребляются въ извѣстныхъ случаяхъ ¹⁾.

Справедливо замѣчаніе, что русскій имперфектъ образовывался подѣ вліяніемъ глаголовъ темы *а* (это связано съ раннимъ образованіемъ длительной категоріи): у Нестора *ходаше* при ц.-слав. *хождааше*, безъ смягченія. Но нельзя сопоставлять съ этою формою остромировское *идѣаше*, ибо то-же образованіе и въ церк.-слав. языкѣ: *идѣаше* въ евангеліи Григоровича. Нельзя безусловно утверждать, далѣе, что стяженныя формы непременно русскія, какъ *идѣаше* (104). Вотъ то-же евангеліе Григоровича: въ немъ глаголаше 36 разъ, глаголаху 20 разъ. Подобный же счетъ могутъ представить и другіе памятники.

Что описательныя формы рано вошли въ свои права, доказывается появленіемъ ихъ въ домашней, болѣе свободной отъ преданія письменности—въ надписяхъ, грамотахъ, даже съ выпускомъ вспомогат. глагола. Авторъ ссылается на грамоту 1130 г. Но зачѣмъ забывать Тмутараканскій камень, его «мѣрилъ»?

Сознаніе все болѣе и болѣе излишества ветхихъ прошедшихъ временъ и дружное вытѣсненіе ихъ формами новыми, аналитиче-

¹⁾ Въ области чешскаго языка — въ говорахъ Моравіи — еще живетъ аористъ. Ср. *Sušil*, *Mor. národní písně*, № 255.

скаго характера, простыми, легкими, кажется, находится въ связи съ раннимъ употребленіемъ въ языкѣ *видовой* категоріи, благодаря чему языкъ былъ поставленъ въ возможность тѣмъ же простымъ способомъ выражать ясно всѣ функціи, соединявшіяся раньше съ аористомъ и имперфектомъ. Такъ поступаетъ современный сербъ, но надѣвая, для парада, иногда и «ветхія ризы» — аористъ и имперфектъ. Укажемъ напр. на языкъ лучшаго сербскаго ученаго-стилиста, Стояна Бошковица, напр., въ его академической бесѣдѣ о проф. Матичѣ ¹⁾).

Категорія кратности, длительный видъ, документуется первыми памятниками Сѣвера и Юга и гораздо живѣе, чѣмъ какъ это представляется автору. Для XI ст. авторъ ссылагается на Остромира; но и тутъ въ своихъ счетахъ онъ не вполне точенъ, и мы заполнимъ недочеты.

Остромирово евангеліе (кромя приведенныхъ): подѣкапавать 124 а. иконьчакаахъ сж 244 б.

Минея 1095 г.: прикедова 12. прѣозареваетъ 45. просвѣщенана 89. съконьчавати 165. примѣшека сж 186.

Изборникъ 1073 г. (первые листы): роспытовакъ 10 б. причѣтавати 12 б.

Изборникъ 1076 г.: разоумѣвати 203. веселоватиса въ мирѣ 18.

Житіе Θεодосія: въдавающе 15 а.

Пандекты 1307 г.: оуохотѣвати 9 а. оучиновати 7 б. ошаватиса 21 б. (ср. ошатиса 33 б). пострадаваемъ (наст.) 98 а. съвершевалъ 47 б. «не можѣмъ оубо вѣдати себе» 94 а. понашати 126 б.

Но характерное русское *и* (и) является съ памятниковъ XII вѣка.

Авторъ, согласно своимъ интересамъ, тщательно выбралъ данныя изъ дѣловаго языка Юга XV—XVI в. — съ суффиксами *ива*, *ова*, *а*, конечно, съ обязательнымъ пропускомъ Статута Литовскаго,

¹⁾ «Свечани скуп Српског ученог Друштва 11 маја 1886 года». (Београд, 1889).

который живостью своихъ формъ: *шды'мовалъ, пры'мовалъ, переховывалъ, заховывалъ* и пр., останавливаетъ изслѣдователя. Но нѣкоторые изъ приводимыхъ примѣровъ можно разсматривать, какъ имѣющіе всего кратность 1-ой степени, извѣстную и церк.-славянскому языку, и съ тѣмъ же *символическимъ* растяженіемъ кореннаго вокала: *вадати, грѣвати*. Въ параллель съ *нагорожати* можно привести уже изъ Изборника 1076 года: *огорожаютъ* 489. Форма кратности 2-ой степени держится того-же символическаго приема: *толкать*, но — *талкивать*. Авторъ на этотъ символическій приемъ не обращаетъ надлежащаго вниманія: «иногда, говоритъ онъ, глаголы I класса, принимая тематическій гласный звукъ глаголовъ V класса, сразу получаютъ значеніе кратной степени: *псть — пдаты, нить — нивать*» (109). Здѣсь примѣры неудачные. Но, обратясь къ игнорируемому приему, сравненію, напр., съ чешскимъ (а чешскій замѣчательно близокъ къ великорусскому въ этомъ вопросѣ, что не отрицается на стр. 107), авторъ тотчасъ-же замѣтилъ бы присутствіе указаннаго символа: *pi-ti*, но *pi-v-a-ti* или *pi-je-ti* = *pi-ja-ti*, т. е., что въ нашихъ *ни-тъ* и *ни-в-ать* — не одного количества коренной гласный.

Изъ чешскаго *pi-je-ti* = *pi-v-a ti* особенно ясенъ генезисъ многократнаго вида: тема имперфекта + суф. инфинитива. 2 ✓
Геній народа поступилъ здѣсь такъ, какъ поступали нѣкоторые чешскіе ригористы, пытаясь для передачи латинскаго infinit. perf. образовать особый инфинитивъ: *habuisse* они передавали — *měvše-ti*. Но что во власти народа, постоянно творящаго свой языкъ по своей потребѣ, то не по плечу самымъ «письменнымъ» изъ «письменныхъ»: тамъ творчество, здѣсь механизмъ. Простой чехъ провелъ категорію кратности еще далѣе, чѣмъ мы, своими *příváti, chodíváti*, но все держась стараго приема, все прибѣгая къ однимъ и тѣмъ же элементарнымъ средствамъ. Что творчество категоріи вида началось задолго до памятниковъ, какъ и полагаетъ акад. Миклошичъ, ясно изъ образованія видовыхъ формъ по одному шаблону во всѣхъ славянскихъ языкахъ, а не «на памяти исторіи» (107). Но какъ легко должны

были смѣшиваться глаголы истинной кратности съ отъименными, и не въ одномъ малорусскомъ, видно изъ того, что мы, пишущая братія, въ важномъ стилѣ намѣренно дѣлаемъ ошибку и пишемъ — *наказуемъ* вмѣсто *наказываемъ*, какъ бы считая первую форму менѣе вульгарной, и безсознательно попадаемъ въ тактъ съ исторіей языка.

Повелительное наклоненіе, одинаково сильно пострадавшее отъ дѣйствія аналогіи 2 лица настоящаго времени и на Сѣверѣ, и на Югѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, съ давняго времени предлагаетъ только въ побочныхъ приемахъ нѣкоторое сходство: *бѣжи*, но *бѣжи*. Но малорусская форма имѣетъ за собой свидѣтельства изъ первыхъ памятниковъ, что и понятно, ибо въ ней чистая тема 2-го лица: *вѣжи* (Остромирово евангеліе 252 б.). *грѣха вѣжи* яко *ратника* (Изборн. 1076, 18). *вѣжимъ оубо... пькнестельнаго вѣса* (Пандекты 1307, 21 а.).

Правда, 1 лицо множ. исчезло и замѣнилось формой наст. времени, но въ малорусскомъ не безслѣдно: *ходім* или *ходьмѣ*, т. е. съ уменьшеніемъ признака модальности вокализуется согласный конецъ. Эта вокализациа имѣетъ за собой старину, при чемъ форма вокализации мѣняется между *о* и *ы* (-мо, мы). Такъ *Пандекты* 1307 г.:

Съ примѣтою *і*: *оузицѣмъ* 40 а. *не моуѣмъ* 40 а. *оуспра- нѣмъ* 80 а. *возмѣмъ* 196 а.

Съ примѣтою *ь* (= *й*):

а) - *мо*: *поревноуимо* 36 а. *здѣймо* 40 а. *по- слѣдоуимо* 40 б. *оузбонмоса* 90 б. *поимо* 115 а. *помышлано* 122 а. *дводшьствоу- имо* 196 а. *приповѣданмо* 197 б. (прини- симо 264 а). *дѣланмо* 223 б.

б) - *мы*: *разоумѣканмы* 136 б.

2 лицо мн. ч.:

Съ примѣтою *і*: *хвалѣтеса* и *не лжѣте* 107 б. *вѣжчеланте* 166 б.

Съ примѣтою *ь* (*й*): *плачѣтеса* 29 а.

Какъ плавная и сильно анафорическая форма, форма на *мо* встрѣчается, понятно, у народныхъ писателей XVII вѣка, напр. въ проповѣдяхъ Галитовскаго: «а мы, православныи христїяне, *мѣймо* всѣ такую надѣю, же будемо . . .». Но, мѣстная, она не могла пройти въ дальнѣйшій литературный языкъ.

Нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями о судьбѣ *причастій* заканчивается отдѣлъ.

Но если въ нѣкоторой степени справедливо, что *причастій прошедшихъ* полныхъ «нѣтъ въ народныхъ нарѣчіяхъ, ни великорусскомъ, ни малорусскомъ» (мы оговариваемся, такъ какъ старое причастіе замѣстилось новымъ, на-*мый*, а связь обоихъ такъ ясна въ польскомъ литературномъ языкѣ, въ его-*łszy*, съ XVII в.): то затрудняемся понять удивленіе автора по поводу тѣхъ же *причастій наст.* времени: «любопытнo, однакоже, что въ южнорусскихъ грамотахъ XIV вѣка (только?) онѣ (т. е. формы на *ачи*, *учи*) являются уже въ видѣ члѣнныхъ причастій» (114).

1) Въ виду формъ: *будучій*, *заказующій* и пр., нельзя говорить о *днѣпричастіяхъ* подъ обликомъ причастій, думать, что когда-либо и гдѣ-либо имѣло мѣсто снабженіе адвербіальныхъ формъ членомъ. Вспоминать ли, что процессъ былъ какъ разъ обратный? Сказанное на стр. 141 подлежитъ измѣненію.

2) Развѣ эти формы ограничены XIV вѣкомъ? Развѣ онѣ не живутъ полною жизнью въ Статутѣ и др. памятникахъ, замѣняя именно наше причастіе на *щій*?

3) Развѣ автору неизвѣстны аналогическія, чисто народныя формы на Сѣверѣ, всѣ эти: *текуцій*, *пловучій*, *сытучій*, *ходяцій*, *зряцій*, *висяцій*?

Что же касается образованія ихъ, то оно—по аналогіи *ви-нит.* падежа, при пособіи именит. ж. р.—*чи*, *чия*, и шло по тому же пути, по которому шло образованіе именительнаго и въ именахъ, какъ *любовь*, *церковь*, *камень*, и какъ эти имена образовались давно, такъ давно должны были образоваться и всѣ эти причастія, ибо психическія условія всегда одни, и они дѣйствуютъ тѣмъ съ неотразимѣйшею силою, чѣмъ безпрепятственнѣе развивается языкъ—

безъ школы, среди «неписьменныхъ». Мелетій же воспользовался роднымъ ему матеріаломъ и образовалъ искусственное, важное причастіе на *щій*, даже съ краткою формою—*щъ*, каковымъ причастіемъ и пользуется русскій литературный языкъ уже третье столѣтіе, отнеся свои родныя причастія въ разрядъ прилагательныхъ. Статутъ Литовскій, Псалтырь Рум. Музея ясно указываютъ, что все это причастія, самымъ синтаксисомъ ихъ.

13.

Третья, и послѣдняя, часть лингвистическаго труда г. Житецкаго посвящена дивергентнымъ чертамъ малорусскаго нарѣчія, сформировавшимся на памяти исторіи, опредѣляющимъ его этнографическую индивидуальность. Чертъ этихъ, естественно, не много. Но первое мѣсто среди нихъ по праву занимаетъ кардинальное явленіе южнорусскаго вокализма—удлиненіе корневаго или суффикснаго *о*, *е*, совсѣмъ чуждое языку Сѣвера (и сегодня, и въ памятникахъ ничего), но замѣчательнымъ образомъ сближающее рѣчь малоруса съ языками польскимъ и особенно чешскимъ (*кѣнь*, ч. *кѣй* изъ *киой*).

Явленію этому авторъ посвящаетъ 9 страницъ. Но больше всего здѣсь мѣста заняла бесѣда автора съ критикомъ его перваго труда и вообще полемическою экскурсіей; но новаго ничего. Бесѣда эта тѣмъ менѣе была обязательна, что самъ критикъ позже отказался отъ первыхъ мыслей (117). Прибавимъ здѣсь, что одновременно съ авторомъ надъ тѣмъ же малорусскимъ явленіемъ работалъ и настоящій рецензентъ, одновременно съ авторомъ и издалъ—въ 1875 году—свои наблюденія, и—оба мы, работая независимо, пришли къ однимъ общимъ выводамъ, оба предложили одинаковое объясненіе условій появленія долгаго *і* изъ *о*, *е*, оба проектировали одну схему промежуточныхъ формъ и въ той же послѣдовательности¹⁾.

¹⁾ Нашъ «Отчетъ», I, 31—34.

Да, занимающійся польскимъ и чешскимъ языками не можетъ не усмотрѣть одинаковости судьбъ внутреннихъ *о* и *е* и въ нихъ съ нарѣчіемъ малорусскимъ, въ зависимости отъ слоговаго ослабленія вправо, уменьшенія вокализма въ данномъ словѣ. Если мы сообразимъ отношеніе двухъ формъ одного и того же падежа: *конами* и *кіньми*, то тотчасъ же выступаетъ значеніе новаго гласнаго *і*, звука долгаго, какъ замѣщеніе потери слога.

Въ XII—XIII вѣкахъ *ъ*, *ь*, не глухіе, а звуки, опредѣляемые какъ короткіе *о*, *е*, жили еще: но открылось исчезновеніе ихъ — открылось и возмѣщеніе.

Справедливо замѣчаетъ авторъ, что «скачка въ развитіи *и* изъ основнаго *о* въ чешскомъ нарѣчій (языкѣ ?) нѣтъ». Средневѣковые памятники его предлагаютъ ясную лѣстницу промежуточныхъ формъ, но, въ отличіе отъ малорусскаго нарѣчія, лѣстницу *небольшую*. Вотъ почему, въ виду предложенной нами обоеими схемы промежуточныхъ звуковъ между долгими *о* и *і* въ малорусскомъ (*конь*, *коонь*... *кінь*), и въ настоящую минуту, какъ и тогда, я въ недоумѣніи и все вынуждаюсь искать объясненія. Чтѣ мы говорили въ «Отчетѣ» I, 32, то повторяемъ и сейчасъ: «если эта хронологія въ біографіи звука *о* болѣе или менѣе и справедлива, то тѣмъ не менѣе остается еще одна сторона въ жизни этого звука совершенно темной. Исторія чешскаго языка показываетъ, что тамъ процессъ образованія сильнѣйшаго звука изъ первоначальнаго *о* шелъ необыкновенно медленно: съ XIII по XVI в., въ теченіе трехъ столѣтій, *о* едва успѣло дойти до *и*, тогда какъ въ малорусскомъ нарѣчій уже въ XIV вѣкѣ *о* могла переходить въ *і*, т. е. въ *конечный* звукъ, до котораго только можетъ дойти *о*». Чтобы выйти изъ этого затрудненія, мы думали тогда помочь себѣ предположеніемъ, что процессъ перехода *о* въ *і* могъ мѣстами начаться раньше, чѣмъ какъ отмѣтили его памятники языка. Предположеніе вѣроятное, но дѣлу оно не помогаетъ. Г. Житецкій прибѣгаетъ къ тому же удлиненію періода процесса — до XI вѣка (119).

Вотъ почему мы готовы думать, что живущія и сегодня по

говорамъ формы: *у, уо, ю* имѣютъ одну географическую, но не историческую, связь съ болѣе общою формою — *і*. Тѣ формы сами по себѣ, а эта сама по себѣ. Но откуда сразу это *і* долгое? Дѣлаемъ предположеніе, что этотъ новый звукъ явился прежде всего въ словахъ звука *е*, какъ его общеславянское удлиненіе: ср. старо-слав. грѣсти и гривати, лѣтѣти и литати, чеш. *pero* — *pírko*, совершенно какъ въ малорусскомъ — *женá* — *жінка*; затѣмъ онъ увлекъ подѣ себя и аналогическія слова со звукомъ *о*, тогда какъ въ говорахъ съ *у, уо* слова эти въ своемъ измѣненіи пошли по пути нормальному, по тому, по которому шелъ чешскій языкъ, польскій, и ихъ окаменѣлыя фонемы на мѣстѣ великорусскаго *о* и сегодня тѣже, что и полъ-тысячелѣтія назадъ.

Новое въ области нашего вопроса принесли наблюденія г. Соболевскаго, и они отмѣчены авторомъ. На себѣ лично г. Житецкій испыталъ значеніе правдоподобныхъ гипотезъ, испыталъ, что только кропотливныя «архивныя» работы даютъ доброе зерно, иначе, впереди грозитъ одно — покаяніе, что на стр. 123. Прежде всего работы г. Соболевскаго указали фактическую подкладку мыслямъ объ точкѣ отправленія малорусскаго *і* долгаго — двойное, т. е. *долгое о*. Авторъ какъ-то особенно любитъ двойнымъ числомъ *о*. Но это обыкновенный приѣмъ обозначенія долготы въ рукописяхъ чешскихъ, польскихъ, и мы можемъ только удивляться рѣдкости его въ нашихъ памятникахъ. Сильна была традиція — признакъ долголѣтія письма у насъ. Въ Пандектахъ 1307 г. мы имѣемъ то-же слово, что найдено г. Соболевскимъ съ двойнымъ *о*, и также съ необычнымъ правописаніемъ — слово *овца*, но безъ срединнаго *ь*, за то съ губнымъ придыханіемъ въ началѣ: «*овцахъ*» 277 б. Такъ какъ начальное *о* безъ прикрытія измѣниться въ *і* не могло, отсюда всѣ слова въ малорусскомъ имѣютъ впереди *о* (*оін* — *онъ*, *овица* — *овца*), то можно думать, что писецъ Пандектъ, помѣщая впереди *о*, свое «*овцахъ*» произносилъ по нынѣшнему.

И второе наблюденіе принадлежитъ г. Соболевскому, это — неорганическое, но строго выдерживаемое въ памятникахъ Юга,

ѣ: *оучѣньк*, всегда при суффиксѣ *ьк* (ср. правописаніе Пандектъ выше). Г. Житецкій, очень строгій въ хронологіи, слишкомъ уже подчеркиваетъ, указывая, что въ Добриловомъ евангеліи ѣ тамъ, «гдѣ *прежде*, напр. въ Галицкомъ евангеліи 1144 г., стояло *е*» (120). Но вѣдь это «прежде» отдѣляется всего пространствомъ 20 лѣтъ.... Въ этомъ неорганическомъ ѣ авторъ справедливо видитъ звукъ, «сходный съ тѣмъ *і*, который въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ является на мѣстѣ основного *ъ*» (122), т. е., *і*. Писцы не были филологами.

Но въ памятникахъ Галиціи имѣемъ и прямо *и*, гдѣ и нынче этотъ звукъ изъ *е*. Къ примѣрамъ, приведеннымъ у насъ въ «Отчетѣ», I, 31, прибавимъ еще нѣсколько.

Если сравнить Добрилово евангеліе, памятникъ второй половины XII вѣка, галицкіе отрывки изъ XII—XIII вѣковъ, наконецъ, Пандекты 1307 года, то нельзя не удивляться согласію памятниковъ въ помѣщеніи новаго ѣ, строгому употребленію этого новаго пріема письма на разстояніи полутора столѣтія. Эта гармонія въ правописаніи должна была имѣть опору въ живой рѣчи. Въ Пандектахъ 1307 г. правописаніе—*еньк* рѣдкость: *оузмѡуцѣньк* 129 а. *короженьк* и *ковѣньк* 193 б и др. Но есть еще одно отступленіе, изъ котораго видно, какъ читали писцы здѣсь ѣ: это — *оубыньк* 2 б.

Во Львовскомъ прологѣ («Отчетъ» I, 8) мы имѣли примѣръ и *вм. к: теонмъ страстѣ прилѣпнѣса*. Въ Пандектахъ новый: не *прилѣшантѣса* *имъ* 101 б.

Принявъ во вниманіе эти описки, далѣе, то обстоятельство, что писецъ Пандектъ ставилъ мѣстами ѣ на мѣсто *и*: *прѣстѣати сноухъ* 194 б. *лѣковахѡмъ* 92 а. *лѣкоукъ* 138 а. *не хвалѣтѣса* и *не лжѣте* 107 б.; наоборотъ, просто и *вм. ѣ*: *ни кдино всиухъ...* *имъ всѣмъ...* 14 а., мы, на вопросъ: какъ читать ѣ въ словахъ: *добродѣтелнѣмъ*, *нынѣшнѣмъ*, *къ немъ*, *оу сѣмъ*, и въ суффиксѣ — *ѣньк* — можемъ отвѣчать: *читать какъ и*.

Въ виду документуемой такимъ памятникомъ, какъ Пандекты 1307 года, старины перехода *е* въ *і*, т. е. давности малорусскаго

оригинальнаго процесса, мы не можемъ согласиться съ авторомъ, что, «і вм. о и е въ XVII в. не было еще такъ распространено, какъ въ настоящее время» (138), потому, что-де примѣры у писателей рѣдки. Но, очевидно, они держались школы Мелетія и избѣгали непослѣдовательности. Что же касается встрѣчающихся у нихъ выраженій *нуз*, *руз* и проч. (123—124), то это скорѣй всего полонизмы.

Слѣдующая дивергентная черта малорусскаго вокализма, это потеря *ы*, сближеніе его съ *и* въ одно среднее *і*. Но эту черту раздѣляетъ съ малорусскимъ и сербскій языкъ, и чешскій, вообще, масса славянскихъ языковъ. Опорой Сѣвера, и здѣсь, какъ и въ его *e=je*, является польскій языкъ, языкъ съ сильной стариною. Уже одна эта гармонія между нарѣчіемъ великорусскимъ и польскимъ языкомъ указываетъ намъ на историческое первенство сѣвернаго *ы* передъ его малорусскимъ замѣнителемъ. Но не такъ смотритъ авторъ.

Въ своемъ первомъ трудѣ онъ пытался придать малорусскому замѣнителю великорусскаго *ы* роль основнаго звука, что въ древнерусскую эпоху *ы* произносилось какъ *и*. Авторъ произвелъ неудачную мѣну мѣстъ. Теперь, послѣ горячей полемики съ «упрямымъ» Колосовымъ, онъ почти не сдвинулся съ своей позиціи, защищаясь Шлейхеромъ, смѣшеніемъ «рядовъ» гласныхъ и проч. Но авторъ не достигъ одного, главнаго—онъ не поколебалъ значенія гармоніи великорусскаго и польскаго вокализма въ вопросѣ объ *ы*. Въ этомъ, строго славянскомъ, вопросѣ справки съ значеніемъ однѣ — справки съ исторіей отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, не имѣющихъ *ы*, а эти справки только укрѣпляютъ историческій приоритетъ великорусскаго *ы*.

Если же у южнорусскихъ писателей крайняя пестрота въ изображеніи звука изъ *ы*, пестрота въ употребленіи самой буквы (127—128), то стоитъ только припомнить правописаніе сербскихъ писателей конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, этихъ дорогихъ нѣкогда нашихъ литературныхъ однополчанъ, ихъ тяжелую борьбу съ русскимъ *ы*, чтобы понять, что въ

этой пестротѣ — знакъ борьбы между школою, Мелетіемъ, и живымъ языкомъ.

Небольшую статью о согласныхъ авторъ безъ ущерба могъ бы выпустить, за отсутствіемъ объекта — по личному его признанію (128). Но раньше онъ говорилъ о сохранности медіальныхъ и здѣсь опять повторяетъ о «твердой позиціи въ малорусскомъ консонантизмѣ звучныхъ согласныхъ», предваривъ, впрочемъ, что онъ имѣетъ говорить о правописаніи. Авторъ указываетъ, напримѣръ, что въ XVII вѣкѣ преобладала этимологія, рѣдко уступавшая народному выговору. Но это вполнѣ понятно, такъ какъ писатели XVII вѣка были люди школы, школы Мелетія, и люди съ политическимъ тактомъ. Замѣтимъ, затѣмъ, что изъ *хвалится* не могло пойти *хвалища*, что зъ въ *збуты* всюду, не исключая и Пандектъ, гдѣ: злокъ з добрыма 167 а. есъма з воззныю 182 а. здѣймо 40 а.

Къ «характернымъ чертамъ» малорусскаго *склоненія* отнесены: творит. ед. ж. *оу*, *ом*; разсмотрѣнные уже раньше флексивные архаизмы (*боже* и др.) и — факты уже простаго правописанія, а не языка (*матцѣ*), при чемъ авторъ заявляетъ о своемъ отреченіи отъ своего перваго ученія объ оригинальномъ построеніи малорусскаго склоненія.

Замѣтимъ противъ автора:

1) Флексія *оу* только въ Галиціи, гдѣ очень распространена. Это — своеобразное упрощеніе общей флексіи *ою*: зѣвъ — излюбленный приѣмъ, напр., у лемка, который выбрасываетъ *j* и въ глаголахъ и говоритъ: *бывають*. Но авторъ смотритъ иначе: «мы болѣе склонны думать — о смѣшеніи падежей» (129). Но почему?

2) Относительно флексіи *ом* авторъ полагаетъ, что здѣсь простой «обмѣнъ» *е* и *и*. Правда, обмѣнъ подобный извѣстенъ въ великорусскомъ, сербскомъ и другихъ (*мнукъ* — *внукъ*). Но есть и иная возможность: вліяніе аналогіи именъ муж. рода. Вотъ та-же форма въ великорусскомъ: «*силомъ*, слышь, замужъ выдать хотѣли» («Въ лѣсахъ», III, 57).

3) Въ дивергентныхъ формахъ у писателей XVII вѣка: *бо-*

гачовъ и пр. авторъ находитъ «переходную стадію въ развитіи малорускаго *i* изъ *e*» (130). Но на нашъ взглядъ здѣсь приспособленная польская флексія.

Въ число оригинальныхъ явленій малорускаго *спряженія* занесены то дѣйствительные факты языка: 1 мн. на *мо*, образованіе повелит. множ. — *ѣмо*, *ѣть*, будущ. съ *му*, то факты правописанія (*моѣ* и *моѣѣ*), то образованія сомнительныя — прошед. на *ѣ* съ вспомогат. глаголомъ. О большинствѣ этихъ чертъ была рѣчь раньше. Но, безспорно, оригинальнѣйшая черта, это — малорусское образованіе буд. времени.

Тема глагола $\rightarrow$ *му*, сокращеніе изъ *иму* беру, это совсѣмъ пріемъ сербскаго языка, гдѣ только взять иной глаголъ — *ћу*, сокращеніе изъ *хоћу* хочу: одинаково вспомогательные глаголы сокращаются и одинаково сливаются. Малорось манипулируетъ своимъ *му* также ловко и свободно, какъ сербъ, и смотритъ на *му*, какъ на служебную частицу. Но въ Галиціи это образованіе менѣе обыкновенно или глаголъ *иму* (*јму*) стоитъ отдѣльно. На этой послѣдней стадіи находятся нѣкоторыя Московскія грамоты XIV в. гдѣ читаемъ: «кто у нихъ *иметъ* жити»¹⁾.

Объ образованіи прош. на *ѣ* $\rightarrow$ вспом. глаголъ мы говорили выше и выразили наше сомнѣніе. Если оно окрашиваетъ языкъ XVII вѣка (133), то только у такихъ убогихъ стилистовъ, какъ Филипповичъ, въ «Діаріушѣ» котораго господствующая стихія — польская, и есть свидѣтельство подавляющаго вліянія польскаго языка на мысль русскаго человѣка той эпохи, разъ онъ былъ предоставленъ самому себѣ.

Въ заключеніе филологической части авторъ дѣлаетъ рекапитуляцію стилистическихъ чертъ языка писателей XVII вѣка и предлагаетъ нѣсколько соображеній объ историческомъ значеніи ихъ литературной дѣятельности.

Въ концѣ труда приложенъ «Словарь книжной малорусской рѣчи» XVII вѣка, найденный авторомъ въ одномъ изъ кіевскихъ

¹⁾ Академикъ Ягичъ, Критич. замѣтки, 143.

книгохранилищъ, любопытный памятникъ, свидѣтельствующій о внимательномъ отношеніи читателей той эпохи къ трудамъ своихъ писателей. Стоитъ пробѣжать сочиненія Галятовскаго лучшаго стилиста, съ ихъ массой польскихъ словъ, часто понятныхъ, помимо поляка, одному чеху: *шаты, рыхлый, смичный*, чтобы видѣть, что напечатанная усерднымъ изслѣдователемъ южнорусской этнографіи и старины «Синонима» образовалась путемъ замѣтокъ при чтеніи писателей.

Но спросимъ себя: какое-же впечатлѣніе оставляетъ по себѣ книга г. Житецкаго?

Мы уже въ началѣ замѣтили, что вообще она производитъ впечатлѣніе въ пользу трудолюбиваго изслѣдователя, ослабляемое, къ сожалѣнію, тѣмъ, что авторъ двоился предъ двойною задачею — быть въ одно и то же время оригинальнымъ историкомъ и лингвистомъ, имѣя полное право на второе, и слабое — на первое.

Увлеченный своимъ субъективизмомъ въ вопросахъ исторіи, авторъ явленія побочныя подымаетъ на несоотвѣтствующую высоту и строить цѣлую систему безъ точнаго обоснованія. Вмѣстѣ съ этимъ читатель не можетъ не отмѣтить излишней зависимости автора отъ пособій тамъ, гдѣ рѣшающее значеніе могутъ имѣть одни источники, и въ то же время неправильное отношеніе къ предмету, который одинъ имѣетъ громадное контролирующее и выясняющее въ научныхъ работахъ по вопросамъ изъ исторіи русскаго языка значеніе — *къ исторіи славянскихъ языковъ*. Не замѣтитъ читатель мѣстами какую-то спѣшность изложенія, отчего авторъ то попадаетъ въ крайне неловкое положеніе при характеристикѣ того или другаго явленія, то является неточнымъ въ самомъ своемъ языкѣ, то, не замѣчая самъ, увлекается въ далекія экскурсіи.

Но, принимая во вниманіе, что стилистическое изслѣдованіе г. Житецкаго по предмету столь интересному, какъ матеріальный составъ русскаго литературнаго языка у писателей Юга, въ XVII столѣтіи, представляетъ опытъ новый, безъ предшественни-

ковъ, и по серьезному отношенію автора къ нему — опытъ, имѣющій занять свое мѣсто въ исторіи разработки нашего литературнаго языка; принимая, затѣмъ, въ соображеніе извѣстную начитанность автора въ области своего предмета, умѣнье правильно оживить свой однообразный матеріалъ справками съ этнографіей и литературной стариной, критическій тактъ, умѣнье разбираться среди массы мелкихъ стилистическихъ фактовъ, въ пестротѣ найти систему, рецензентъ позволяетъ себѣ поручить новый филологическій трудъ пытливаго изслѣдователя старины нашего Юга снисходительному вниманію Академіи Наукъ. Рецензентъ надѣется, что одобрительное, а потому ободряющее отношеніе Академіи къ труду скромнаго дѣятеля на полѣ отечественной науки укрѣпитъ въ немъ силы для новыхъ работъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

